

Владимир Микульский
НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ
Книга 2

В мире птицы мохо

12+

Владимир Микульский

Незаконнорожденный.

Книга 2. В мире птицы мохо

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Микульский В. В.

Незаконнорожденный. Книга 2. В мире птицы мохо /
В. В. Микульский — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Продолжение приключений, описанных в первой книге
«Незаконнорожденный. Книга 1. Проклятие болот». Преодолев болота,
герои книги должны добраться до союзников, чтобы совместными усилиями
освободить земли от жрецов братства Черной Змеи, уничтожить вызванного
ими Демона ночи, его воинов, и покарать предателей, захвативших власть в
шумерском государстве Лагаш.

© Микульский В. В., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Вступление

Полдюжата некрупных волков, прислушиваясь и приносиваясь, осторожно ступали между кустов, стараясь не шуршать листвою и не зацепить низко расположенные ветки, чтобы не выдать свое расположение. Уже второй день их желудки напоминали о себе глухим урчанием, требуя пищи. Случайно пойманный вчера вечером ушастый заяц был не в счет – один на пятерых, он только раззадорил аппетит, не принеся желанного насыщения. Лето было в разгаре, а им ужасно не везло. Уже дней пять, как они ничего не ели, зря проводя время в пустых погонях за косулями и зайцами. Еще три дня назад их было семеро, но они не рассчитали силы, попробовав отбить от стада диких свиней сеголетка. Вожаком стада оказался матерый кабан, в несколько раз больший любого из волков. Внезапно появившись из-за кустов, он без подготовки, быстрее ветра, бросился на них, уже отбивших от стада небольшого кабанчика. Первый же оказавшийся у него на пути волк был мимоходом отброшен в сторону движением мощной головы. Длинный клык кабана пришелся как раз в районе живота волка, и тот забился на земле с выпущенными наружу внутренностями. Второй волк, скорее с испуга, чем сознательно, подпрыгнул и узвал секача за загривок. Кабан немедленно упал на землю, крутнулся, и незадачливый волк был тут же задавлен тяжелым мощным телом, навалившимся на него сверху. Остальные, бросив добычу, которую уже считали своей, удрали в кусты. Подвела волков неопытность – они были еще молоды, в стае не было ни одного опытного охотника. И хотя считающий себя вожаком бежал, держа хвост свечой, демонстрируя свое доминирующее положение, в середине маленькой колонны ступающих след в след волков, позиция его как вожака была ох как шаткая. Голодные сородичи уже откровенно выражали ему неподчинение, покусывая сзади за ноги, если он бежал слишком медленно, и огрызаясь спереди, если он ускорял бег. Скоро чувствительный нос бегущей впереди самки обнаружил свежий запах, а зоркие глаза разглядели отпечаток ноги молодого оленя. Запах шел со стороны недалекого ручья, центра их охотничьей территории. С каждым шагом и порывом ветерка, бьющего прямо в нос, вожделенный запах усиливался. Это означало, что олень или остановился на водопой, или пасется на небольшой лужайке прямо у воды. Осторожно ступая, волки приблизились к окружающим лужайку кустам и выглянули из-за них. На небольшом расстоянии от кустов спокойно щипал траву олень. Ответвления на рогах указывали, что ему не более трех лет. Иногда он поднимал голову, прислушивался, но вокруг было тихо, и он снова принимался за обед. Вдруг его чуткое ухо уловило какой-то шум – один из волков случайно зацепился за ветку, та дрогнула, и этого было достаточно, чтобы привести оленя в паническое бегство. Он сразу сделал длинный и высокий прыжок в сторону. Волки бросились было за ним, но, повинувшись врожденной осторожности, вместо этого лишь отпрянули поглубже в кусты. Потому что в самой верхней точке прыжка оленя в его бок вонзилась тонкая оперенная палка, пробив сердце. Олень еще в воздухе опрокинулся на бок и упал в траву. Вслед за этим на лужайку из-за кустов, расположенных сбоку от затаившихся волков, вышли никогда до этого не виданные ими двуногие существа. Одно из этих существ, самое большое, несло в передней лапе изогнутую палку с натянутой на ней жилой. С помощью этой палки оно только что далеко бросило другую тонкую палку, убившую оленя. Шерсти на существах не было, а была странная многослойная шкура разных оттенков серого цвета. Сзади у каждого были такие же изогнутые палки с натянутыми жилами, как у высокого существа, а по их бокам висели неясного назначения тонкие длинные палки разной длины.

Задраться с этими существами за добычу у волков не было никакого резона. Во-первых, их было больше, чем самих волков, а именно девять, сказали бы волки, если бы умели считать, а, во-вторых, хотя они издавали резкий болотный запах и были полностью покрыты болотной же грязью, они были существенно больше и сильнее волков.

Высокое существо из одной из коротких палок на боку извлекло другую блестящую палку и провело ею по горлу лежащего оленя, перерезав его. Сразу запахло свежей кровью. Но это была уже добыча этих опасных существ, и волки, осторожно пятясь назад, выбрались из кустов, построились в колонну и, снова ступая след в след, отправились на восток в надежде встретить подходящую добычу и одновременно удаляясь подальше от опасного соседства с существами, умеющими убивать на расстоянии и перерезать горло блестящими палками.

1.

Болото, отнявшее у путников много сил и взявшее в качестве платы за переход через него несколько жизней их товарищей, осталось позади. Девять человек, с ног до головы вымазанных грязью, тяжело дыша, лежали на траве его берега. Первой пришла в себя Олиона. Приняв сидячее положение, она сняла с пояса флягу и начала промывать лицо, затем кинжалом попыталась счистить с одежды налипшие слои грязи.

– Ничего не получается, – с сожалением произнесла она, – надо где-то озеро искать, отмокать в нем.

Ее спутники понемногу зашевелились. Прозвучали отдельные голоса, раздались короткие смешки.

– Пройдем вперед, – решил скандинав, – должно же где-нибудь здесь быть что-нибудь наподобие ручья. Горы-то рядом.

Сравнительно небольшое, менее чем в треть дневного перехода лошади, расстояние до массивной каменной стены, заросло деревьями и кустарником. Однако идти было довольно легко – повсюду в зарослях были пробиты звериные тропы, свидетельствующие не только о наличии многочисленных животных, но и о том, что размер их бывает иногда немаленький.

Пройдя изрядное расстояние по одной из таких троп, они обнаружили искомый ручей. Тропа пересекала его, уходя далее в заросли на другую сторону.

Внезапно идущий первым скандинав подал сигнал всем остановиться и замереть. Осторожно продвинувшись вперед на десяток шагов, сквозь просвет в кустах он обнаружил оленя, пасущегося на берегу ручья, и нескольких волков, скрадывающих его, готовящихся к нападению. Скандинав неоднократно наблюдал подобные сцены охоты. Как правило, это бывало захватывающее зрелище, наблюдать, чей будет верх – охотника или жертвы. Крайне редко, но бывало, что верх в прямом смысле одерживала жертва. Например, несколько зим назад он был свидетелем случая, когда леопард, прыгая с дерева на зазевавшуюся газель, промахнулся и напоролся на сук, пронзивший его насквозь. Скандинав просто относился к подобным вещам: волк, лев и другие из этого списка – хищники, природой им положено есть мясо, и, следовательно, они будут охотиться за красивыми изящными газелями. Будучи северянином, он сливался с природой и принимал ее законы в их первозданном виде. Тонкий налет цивилизации, который покрывал его в обществе людей, в нужный, как правило, опасный, момент срывался, и природные инстинкты брали верх, помогая принимать те единственно правильные решения и предпринимать те действия, которые давали максимальный эффект в данных конкретных условиях.

И в этом случае перед скандинавом был выбор – полюбоваться на волчью охоту, происходящую у него на глазах, или охотиться самому, так как свежее мясо есть свежее мясо, а после долгого блуждания в болоте хорошая пища была крайне необходима и людям. Выбор был сделан значительно быстрее, чем рассказано о нем – через мгновение олень заметил подкрадывающихся волков, сделал первый прыжок и тут же упал на землю, пробитый стрелой, выпущенной скандинавом с близкого расстояния. Волки, заметив людей, скрылись в лесу, а спутники скандинава, как и он сам, через самое короткое время уже занимались хозяйственными делами. Как ни хотелось всем броситься в ручей, но сначала часть из них отправилась заготавливать дрова,

а вторая часть начала разделять оленя. Только когда костер весело запылал и над огнем повисли кусочки мяса, роняя в огонь капли вытапливаемого жира и распространяя вокруг аппетитный аромат, люди бросились в воду. Олиона убежала за изгиб ручья, скрытый развесистым кустом, и вволю плескалась там. Вода была теплой, нагретой жаркими лучами ока Нин-Нгирсу, и если бы не жарящееся мясо над костром, люди долго бы еще не выходили из ручья.

– Бред какой-то, – сокрушенно произнес Гардис, когда вся мужская половина, вымытая и довольная, собралась у костра, – у меня все эти дни не выходило из головы... Какой из меня хранитель? И амулет сюда еще приплела. Может, наша девочка все это придумала, чтобы поднять себе цену? Как ты думаешь? – обратился он к Орагуру.

– Я не думаю, а уверен, что она сказала правду, – помедлив, ответил тот, – мы находимся в чрезвычайных условиях, и только поэтому я открою вам то, что до сего момента знали очень немногие. Уже три зимы, как разведывательная служба Лагаша приоритетным направлением имеет Персидские царства. Странные дела творятся на востоке этих царств, как раз там, куда лежит дорога Олионы. После поражения племени кутиев откатились от границ в эти самые персидские земли. И там объединились под властью жрецов Черной Змеи. Ведь именно о них говорила она. Верно?

Все согласно закивали головами.

– Кроме этого, было всего два свидетельства о том, как расправлялись жрецы с теми, кто не желал подчиниться им, – продолжал Орагур, – и в этих свидетельствах проходили черные вихри и появляющиеся в этих вихрях из-под земли ужасные создания, противодействовать которым нет никакой возможности.

– Кто дал такие показания? – спросил Гардис.

– Одного случайно подобрал торговый караван. В момент появления вихря он был на верхушке высокого дерева, лазил за плодами, растущими там. Вихрь прошел немного ниже его. От увиденного он тронулся умом, и получить эти сведения от него оказалось очень непросто. Второй при появлении созданий оказался выброшенным в воду, при этом получил множественные ожоги большей части тела. Однако кое-что успел рассказать перед смертью нашим разведчикам.

– О каких разведчиках речь? – снова поинтересовался Гардис.

– Разведывательный департамент отправлял торговые караваны, главной задачей которых была не торговля, а сбор информации. Один из таких караванов и обнаружил его. Информацию посчитали чрезвычайно важной, и караван немедленно вернулся обратно. Как оказалось, из пяти отправленных караванов лишь этот и вернулся. Остальные бесследно исчезли.

– Ну, а ты что думаешь про все это? – спросил Гардис скандинава.

– Пирт, – повернулся тот, – озвучь, что сказал вождь лигурийцев перед нашим уходом.

– Он передал слова шаманов, касающиеся Олионы, – пояснил Пирт, – там было всего три слова: этому человеку верь.

– А кто ты – хранитель или не хранитель, мы разберемся немного погодя, когда проводим девушку к нужному ей месту. Кстати, – скандинав обратился к Орагуру, – можешь уже уходить. Ты ведь знаешь про караванную тропу через болото на севере отсюда. В сопровождении гвардейцев за полную луну или полторы, пожалуй, доберешься до нее.

– Ничего у тебя не получится, – Орагур отрицательно покачал головой, – я уйду от вас не раньше, чем мы доведем ее до нужного места. Чувствую я, что это не будет легкая прогулка. Кстати, а что говорит тебе об этом твой северный инстинкт?

– Мой северный инстинкт говорит, что оленина уже испеклась, и что нам пора перекусить, а не то этот инстинкт будет очень злой, и кому-то, кто убежал за кусты и до сих пор не возвращается, не поздоровится, если он задержит нас с обедом!

– Я бегу, бегу, – раздался смех Олионы, и она, посвежевшая и чистая, выбежала к костру.

За едой люди рассматривали мрачную отвесную гранитную стену, без единого деревца, протянувшуюся на тысячи шагов в обе стороны.

– И как туда забраться? Летать-то мы пока еще не научились, – протянул Пирт.

– До нее, в общем-то, совсем немного, – рассуждал скандинав, вгрызаясь в паузах острыми зубами в сочное мясо, – но отсюда мы не различаем деталей. Не может быть, чтобы там не было где-нибудь какой-то расщелины, или землетрясение за эти годы не развалило часть стены. Завтра выйдем к ней, там и посмотрим. Если подняться будет невозможно, пойдем вдоль стены на север.

– Почему на север? – спросил кто-то.

Скандинав отбросил в сторону дочиста обглоданную кость и довольно потянулся.

– А потому, что если не найдем ни одного места, где можно подняться в горы здесь, – пояснил он, – на севере проходит караванная тропа, и она каким-то образом должна пересекать и горы, ведь точно известно, что ведет она в Персидские царства, а чтобы пройти туда, надо по любому перевалить через этот массив. Ничего другого не найдем – попробуем пройти по караванной тропе. А теперь до утра отдыхаем. Дежурство как обычно. И не расслабляйтесь. Зверья здесь навалом, но кто знает, что это за зверье? И нет ли здесь чего-либо еще кроме него?

2.

В середине ночи мощнейший толчок не только сбил дежурившего Нада с ног, но и разбудил всех спящих его спутников. Со стороны гор слышались звуки обвалов, грохот, какой-то гул. Складывалось впечатление, что горы стонали от неимоверной нагрузки. После первого толчка последовали еще два не менее сильных, затем еще несколько с затухающей амплитудой, также сопровождаемых грохотом и гулом со стороны каменной стены. Наконец все затихло. Постепенно угомонились мечущиеся в панике птицы, перестали тревожно кричать кабаны и еще какие-то не видимые в темноте звери.

Утром стало видно, что происшедшее ночью землетрясение сильно изменило рельеф горной поверхности. Исчезли несколько отдаленных вершин, и сама стена уже не казалось такой монолитной, как вчера. Даже с далекого расстояния кое-где просматривались каменные осыпи, вселяющие надежду на то, что горы все же дают возможность прохода через стену. Сразу после завтрака, перейдя ручей, группа отправилась к подножию гор. Не более семи-восьми тысяч шагов было до них, но ночное землетрясение свалило много деревьев, упавших друг на друга и создавших непроходимые завалы, которые приходилось обходить стороной, или, если завалы были очень большими, с трудом перелазить через них или даже под ними. Наконец все препятствия были преодолены, и путники вышли к подножию гор.

Сплошная каменная стена шла на тысячу шагов или даже больше вверх. У подножия лежало множество обломков скал, от небольших камней с острыми гранями до огромных, в десятки локтей в обхвате, валунов. Кажущаяся издали доступность стены при взгляде на нее вблизи оказалась ложью – она по-прежнему была монолитной, не допускающей никаких сомнений в ее прочности. Полдня спутники шли по каменным россыпям вдоль стены, осматривая ее, надеясь обнаружить удобное место если не для прохода сквозь нее, то хотя бы для подъема вверх по ней. Нигде не было даже намек на это. Постепенно смолкли разговоры, люди просто шли вперед, осознавая, что идти так придется долго, возможно, очень долго.

Вдруг Пирт остановился, глядя на огромный валун, лежавший прямо у стены.

– Ты что, нашел что-нибудь? – спросили у него.

– За вон тот камень залетела какая-то птица, – показал он, – может, там гнездо будет. Пойду, яиц наберу. Я быстро.

И, пока путники присели на теплые камни отдохнуть, пользуясь этой случайной задержкой, Пирт побежал к камню.

– Идите сюда, скорее! – выскочив из-за камня, позвал он, и снова скрылся за ним.

Все бросились на его зов. Пирта у камня не было. Не было его и сбоку от него. Когда же они обогнули камень, то обнаружили, что этот огромный валун, как козырек, закрывает тоннель, ведущий в глубь горы. Высота тоннеля была немногим больше роста высокого скандинава, ширина позволяла провести даже лошадь. По стенкам и полу его, местами покрытым мхом и загаженным птичьим пометом, было видно, что ему уже много лет и им интенсивно пользуются птицы и звери для своих путешествий. Снаружи от верхней части тоннеля вверх по скале тянулась едва заметная ниточка трещины, показывающая, что образовался он на месте разлома стены. Вскоре из темноты тоннеля появился Пирт.

– Я прошел довольно далеко, – сказал он, – всюду помет, слой на полу. Чувствуется встречное движение воздуха, похоже, что тоннель сквозной. Но там темно, ничего не видно. Надо приготовить факелы. Может быть, это то, что нам нужно. Ведь птица залетела в него, но обратно не вылетела.

Пришлось устраивать длительную остановку. Снова развели костер, приготовили обед. Одновременно с этим заготавливали и дрова, которых не надеялись найти в горах, и факелы. На производство факелов гвардейцам пришлось пожертвовать пару запасных рубашек, разорвав их на полосы, обмотав ими верхушки рукояток, сделанных из срубленных здесь же деревьев, оказавшихся полыми внутри и поэтому достаточно легкими для переноски, и пропитав полосы в изобилии выступившей на сломанных деревьях смолой, расплавленной над огнем.

Сразу же после обеда путники зажгли факелы и отправились по тоннелю. Судя по всему, он был пристанищем многочисленных зверей. Ноги иногда по щиколотку погружались в слой сухого помета, иногда этот слой был твердым, как камень. Следы на поверхности его показывали, что здесь обитали небольшие зверьки, не больше лис. В одном месте тоннель-разлом раздваивался, но в ответвлении не чувствовалось движение воздуха, и, кроме этого, оно было заселено множеством летучих мышей, гирляндами развешанных по потолку, начавших тревожно попискивать, когда на них упал свет факелов. Без малого тысяч семь шагов прошли уже путники по тоннелю. Он практически не изменял ни высоту, ни ширину, и было лишь несколько некрутых поворотов. Наконец, спереди забрезжил свет, и, раздвинув кусты, густо закрывавшие выход из тоннеля, путники вышли из него по другую сторону стены. Они оказались на большой террасе, с одной стороны заросшей кустами, в которых скрывался вход в тоннель, а с другой стороны оказалась дорога, проложенная в горах. Серпантин ее извивался по окрестным горам, уходя вправо и влево от площадки. И если слева дорога хорошо просматривалась с террасы, на которую вышли путники, и далеко, почти по прямой, шла вдоль наружной стены, то справа она совсем рядом уходила за поворот, далее, сделав невидимый за поворотом крюк, снова показывалась на виду, проходя через небольшую площадку, и далее снова скрываясь за новым поворотом.

После небольшого обсуждения путники отправились по ее правому ответвлению, так как оно резче уходило к центру гор. Как знать, может быть, они ошибались и надо было сворачивать в другую сторону, но выбор был сделан. Дорога была широкой, две повозки без хлопот разъехались бы на ней. На каменной стене, являющейся ее границей с левой стороны, кое-где видны были следы выравнивающих ее инструментов. С правой стороны был вырублен невысокий отбойник из камня. Похоже было, что дорогой пользовались довольно часто – на ней остались колеи от множества проезжавших телег.

Через некоторое время, повторив извилины дороги, путники были уже на небольшой площадке, которую прежде разглядели с террасы. Бросив последний взгляд на теперь уже далекие кусты, закрывающие тоннель, они отправились было дальше, как вдруг ярко-зеленый свет залил окрестности, затем вокруг них вихрем закружились изумрудные искры. Их было очень много, как снежинок в сильную пургу, и люди на короткое время даже потеряли друг друга из виду, хотя и находились не более, чем в паре шагов друг от друга. Чрезвычайно яркий

свет заставил всех закрыть глаза. Затем почва под ногами слегка дрогнула, и яркое свечение исчезло. Люди вновь обрели способность видеть. Но они, ошеломленные, не могли сделать ни шагу и сказать ни слова. Да, люди по-прежнему стояли на этой же площадке, но с небосвода на них изливали потоки тепла и света не одно, а сразу два – красное и синее – солнца!

3.

Люди изумленно оглядывались вокруг. Окружающие их горы были совершенно другими, совершенно не похожими на те, в которых они были несколько мгновений назад. Близкие и далекие вершины здесь отливали золотистым цветом. И камень у них под ногами был не серо-черный, а желто-золотистый. Ближние и дальние вершины, покрытые снегом, ослепительно блестели в лучах обеих солнц. Некоторые как меховой шапкой укрылись тучками. Рельеф местности также абсолютно отличался – на месте горных вершин теперь были межгорные седловины, а сами горные пики изменили не только свое местоположение, но и количество.

Пройденная часть дороги до площадки исчезла. То есть площадка со стороны пройденного пути заканчивалась обрывам, глубину которого даже не удалось определить из-за ползущего внизу тумана. И, напротив, там, где должна была быть терраса с закрытым кустами тоннелем, не было ничего. Вернее, был туман, ползущий далеко внизу по обширной низине, конца которой не было видно. Потому что чрезвычайно далеко на горизонте видны были горные вершины, а все это промежуточное пространство до них заполнено было густым, непроницаемым для взгляда, туманом.

Завороженные открывшимся перед ними зрелищем, в первый момент люди буквально потеряли дар речи. Со всех сторон слышались только восторженные и вместе с тем недоумевающие охи и ахи. Никто ничего не понимал. Взгляду со стороны могло бы показаться, что куча взрослых людей сошла с ума и с восторженно-недоумевающими лицами бегают взад-вперед по площадке, показывая друг другу то на небо, то на горы, то на землю, и никак не может остановиться.

Этот взгляд со стороны и обнаружил Орагур, случайно взглянув на Олиону. Она спокойно стояла среди всеобщей сумятицы и смотрела на всех, как на полоумных. Под этим взглядом он сразу пришел в себя. Его спокойствие понемногу передалось и остальным людям.

– Похоже, ты знаешь эти места, – утвердительно произнес Орагур, обращаясь к Олионе.

Она отрицательно покачала головой: – Нет, я никогда здесь не была. Но это небо моей земли.

– А эти зеленые вихри? Что это – то, что ты называла переходом? – спросил скандинав.

– Во всяком случае, когда я попала к вам, было так же.

– Что ж, все становится на свои места, – подвел итоги Орагур, – получается, что, как только мы преодолели внешнюю стену, твои соплеменники сумели узнать об этом и перенести нас к себе. Нас никто не будет встречать?

– Сомневаюсь, что будут встречать, но не сомневаюсь, что будут искать, – ответила она, – вернее всего, что маги олиев обнаружили ауру Амулета и тут же организовали переход в этом районе, опасаясь, что аура может погаснуть вследствие каких-либо причин. Но я уверена, – продолжала она, – что переход обнаружили и жрецы Черной Змеи. Теперь нам надо как можно скорее убраться отсюда. Скоро от жрецов и их солдат здесь будет не протолкнуться. И мой отец нас тоже будет искать. Многое теперь будет зависеть от того, кого мы встретим первыми – жрецов или моих соплеменников.

– Как странно, у вас два солнца? – озвучил Пирт вопрос, который интересовал всех без исключения.

– Конечно, нет, – ответила она, у нас одно солнце, но воздух особенный. Я не могу объяснить в деталях, просто не знаю, но мне отец как-то говорил, что так же, как во время дождя

появляется радуга, так и синий цвет нашего солнца отделяется от других цветов и проходит по небу как бы отдельно, самостоятельно, так же освещая и обогревая нашу землю. Поэтому ночи у нас значительно короче дня, а день особенный. Днем все бывает трех различных цветов и оттенков: утром, когда встает красное солнце без синего цвета, затем, когда выходит голубое солнце и его лучи перемешиваются с лучами красного солнца, и, наконец, когда красное солнце заходит, а в небе остается только синее. Дожди же идут крайне редко, и когда тучи застилают небо, синее солнце сливается с красным, и тогда мы видим только одно оранжевое светило.

4.

Еще множество вопросов было на языках у окружавших Олиону людей, но несколько небольших облаков, сорвавшись с ближайшей вершины, тем временем практически одновременно набежали на оба солнца. И тогда туман в направлении, где должна была быть терраса с тоннелем, начал быстро подниматься снизу вверх. Поднявшись шагов на десять выше площадки с людьми, он начал сгущаться, кристаллизоваться и превратился в подобие прозрачного горного хрусталя. Огромная панель его висела в воздухе, и сквозь него совсем рядом, казалось, протяни руку и достанешь, путники увидели террасу, которую они недавно покинули. Необъяснимое свойство воздуха приблизило к их глазам то, что было на самом деле за многие тысячи шагов отсюда, возможно, в другом мире. Они не только видели, как трепещут на ветру листья кустов в конце террасы, но и слышали их шелест.

Внезапно эти кусты раздвинулись, и на террасу один за другим вышли два человека, ведущие коней в поводу. Все в походной военной форме, без панцирей, но с оружием. Немного погодя за ними появился третий.

– Откуда они здесь? – удивился Орагур.

– Кто это? – спросил скандинав.

– Первый – сотник Шар-Карен, второй – номарх Сарниус, – пояснил Орагур.

– Это те самые, платящие золото за спецслужбы? – снова спросил скандинав.

В ответ Орагур зло сузил глаза и сжал кулаки.

– Погоди, дай срок, – пробормотал он, – каждый получит то, что заслужил!

– Быстро же они до нас добрались. Интересно, как умудрились? – теперь спрашивал Гардис.

– Похоже, что быстро шли по караванной дороге через болото, а затем повернули в нашу сторону и нашли следы у тоннеля и сам тоннель. Шли по нашим следам, ведь мы не спрятали последний костер перед тем, как уйти в тоннель, – пояснил Орагур, – по нему они, видимо, и нашли нас так быстро.

– А кто третий? – снова задал вопрос Альрик.

– А это командующий «бессмертными» Пиригон, – пояснил Лептах, – вы не смотрите, что у него внешность пьяного кабатчика. Он выиграл на своем веку столько битв, не проиграв ни одной, что только за это достоин великой славы.

Тем временем сотник, номарх и командующий, вскочив на коней, быстро приблизились к глубокому обрыву, которым завершалась терраса. От дороги сохранился лишь маленький участок, не больше десятка локтей в длину. Все остальное было идеально ровно отрезано, словно гигантский нож аккуратно и ровно прошелся по окрестности, и перенесено неизвестно куда.

Остановив лошадей недалеко от обрыва, всадники спрыгнули с них и взошли на остаток моста.

– Куда же они делись, неужели погибли? – спросил Пиригон.

У путников, глядящих через прозрачный кристаллизованный туман, было ощущение, что они находятся рядом с теми тремя людьми, хотя те и не подозревали это. В это же время,

держа коней под уздцы, один за другим из кустов начали выходить гвардейцы сотни Шар-Карена.

– Вполне могли. Ведь было сильное землетрясение. Смотрите, как дорогу обрезаю, – сказал Шар-Карен, – только что нам теперь делать?

– По-моему, все ясно, – вступил в разговор Сарниус, – что все беглецы погибли вместе с бедным советником, сомнений нет. Надо поворачивать обратно и срочно мчаться к энси, доложить об этом.

Пиригон гневно повернулся к нему: – А ты был бы рад, если бы советник умер! Думаешь, я не понял, что за расшитый камзол и почему весь в стрелах был там, на берегу болота? Стремись поскорее к энси, чтобы тебе трон достался? Пока не найдем тело советника, будем искать. Пусть для этого придется все горы перевернуть!

Номарх наигранно весело засмеялся, подошел к Пиригону, взял его левой рукой под руку, держа правую за спиной, и подвел к самому краю моста.

– Ну что вы в самом деле, командующий!, – укоризненно качая головой, произнес он, – у меня и в мыслях не было оставлять поиски советника! Конечно, мы его найдем. Даже если придется опуститься туда, – он показал на ползущий далеко внизу туман.

Сарниус, улыбаясь и не отпуская руки Пиригона, развернул его и сам повернулся спиной к пропасти и одновременно так же и к наблюдающим за разговором путникам. В побелевших пальцах правой руки номарха, спрятанной за спиной, был зажат кинжал.

Олиона испуганно вскрикнула. Орагур, холодея от ужасного предчувствия того, что сейчас произойдет, сжимал в бессильной ярости кулаки. Скандинав, заметив его состояние, положил свою могучую руку ему на плечо, удерживая на месте. Стоящие здесь же гвардейцы громко кричали, пытаясь предупредить Пиригона. Но – и это было очевидно – странная прозрачная панель передавала изображение и звук лишь в одну сторону, оттуда сюда.

– И поверьте, любезный Пиригон, – продолжал тем временем Сарниус, – что я сделаю все, чтобы помочь обожаемому советнику!

Он замолчал, глядя на быстро вращающуюся туманную дымку, опустившуюся в это время на террасу в десятке шагов от них. Она потемнела и превратилась в быстро вращающийся черный вихрь. Вихрь разлетелся во все стороны, и на его месте осталась высокая фигура в черном длинном балахоне с низко надвинутым остроконечным капюшоном. Под капюшоном светились четыре рубиновых огня там, где у людей находятся глаза.

Командующий, сжав эфес висящего на боку меча, сделал шаг от пропасти в направлении появившейся фигуры. Номарх, оказавшись сзади, взмахнул правой рукой и нанес зажатым в ней кинжалом удар в его спину, всадив острие на половину его длины. Пиригон вскрикнул и упал на колени. К ним приблизился сотник Шар-Карен, опасливо косясь на странную мрачную фигуру.

– Это свой, – коротко бросил Шар-Карену Сарниус.

Пиригон попытался встать на ноги, что ему с трудом удалось. Шатаясь, он сделал шаг вперед, затем его качнуло назад, и он отступил к самому краю пропасти.

– Да, да, – дорогой командующий, – издевательски продолжил Сарниус, не обращая больше внимания на молчаливую странную фигуру, – ты не ошибся, услышав, что я сделаю все, чтобы помочь обожаемому советнику. Я действительно сделаю все, чтобы помочь ему поскорее встретиться с тобой, проклятый выскочка!

Кровь текла из углов рта Пиригона, он стоял, шатаясь, готовый рухнуть в любой момент. Однако огромным усилием воли он заставил себя стать твердо и, пытаясь вытащить меч из ножен, задыхаясь, сказал:

– Когда тебя будет... убивать советник, и я... буду бить вместе... с ним...

Силы оставляли Пиригона, он снова зашатался.

– Проклятая собака! – выкрикнул Шар-Карен, наливаясь злобой.

Он сделал шаг по направлению к командующему. Олиона закрыла лицо руками. Орагур тихо застонал. Гвардейцы перестали кричать, осознав бесполезность этого. Никто из путников не шевелился. Все замерли. Шар-Карен с силой толкнул Пиригона ногой в грудь. Тот покачнулся, но устоял. Тогда, грязно ругаясь, сотник выхватил меч и с силой ударил им командующего в живот. Тот согнулся, отклонился назад и без звука исчез в пропасти. И тогда заговорил таинственный пришелец.

– Ты снова потерял Амулет, – бесстрастный голос шел откуда-то из глубины капюшона.

– Я сделал все, что мог, и почти догнал их. Не пойму, куда все они делись, – к удивлению Шар-Карена, начал оправдываться номарх, – похоже, что их сбросило в пропасть землетрясением. Как будто высшие силы до сегодняшнего дня благоприветствовали им! Преданные гвардейцы сотника несколько раз в упор стреляли по Орагуру, но ни разу не попали. И засады устраивали, и в спящих стреляли – все впустую! Пока сами в засаду не попали. Но, наконец-то, землетрясение помогло нам избавиться от них всех!

– Твоя задача теперь будет другой, – перебил бесстрастный голос, – миркутянская армия закончила переход сюда и вместе с кутиями уже направляется к караванной тропе через болото. Тебе надлежит принять все меры, чтобы Лагаш без сопротивления пал к нашим ногам. На этом этапе все должны знать, что это союзные Лагашу войска идут на помощь вашей армии для войны с Аккадом. Ты сейчас расправился с единственной оставшейся для тебя помехой на пути к лагашскому престолу. Немедленно отправляйся в столицу. Ваш нынешний энси уже слишком долго задержался на этом свете, а все из-за того, что никто не проверял его на прочность ночным ударом кинжала или удавкой на шее. Ты сделаешь это. Сделаешь ради престола. А когда ты будешь коронован, первый твой указ будет об открытии всех городских ворот страны перед нашим войском и о признании веры Черной Змеи единственной в стране. Не медли!

Черный мрак сгустился над местом, где находился призрачный незнакомец, закружил в вихре и, рассыпавшись, бесследно исчез вместе с ним.

Приблизившиеся тем временем гвардейцы с удивлением смотрели на свершившееся на их глазах убийство и на место, где за мгновение до этого находилась странная фигура. Номарх быстро бросил сотнику несколько фраз, и сотник обратился к ним с речью:

– Гвардейцы! Предатели Орагур и Пиригон хотели силой захватить власть в стране. Мы с номархом Сарниусом, будущим энси Лагаша, не допустили это. Теперь у вас есть два пути – или идти за нами, помогая возвести на престол номарха Сарниуса, или остаться нейтральными, не вмешиваться в дальнейшее и идти по домам. Кто с нами – отойдите налево, кто идет домой – направо.

Сотня, после недолгой сумятицы и споров, разделилась на две неравные части. Немногим более десятка гвардейцев все же не пожелали поддерживать номарха в его притязаниях на престол.

– Ну что ж, – произнес сотник, обращаясь к тем, кто уходил домой, когда выбор был сделан, – только не взъщайте, кони вам, конечно, пригодятся, ехать далеко, но оружие оставьте нам, здесь оно нам будет нужнее.

– Ваше жалование будет выплачено сразу же после нашего прибытия в столицу, – добавил номарх.

Услышав про жалование, уходящие гвардейцы повеселели и, сняв оружие и прощально махнув рукой остающимся, ведя лошадей в поводу, направились к тоннелю. Не успели они сделать и десяток шагов, как оставшиеся верными Шар-Карену гвардейцы по знаку сотника натянули тетивы луков. Смертоносные стрелы, жужжа, устремились вслед уходящим. А еще через некоторое время все пожелавшие уйти домой гвардейцы, убитые и раненые, были безжалостно сброшены в пропасть.

– Проклятие, – выругался Шар-Карен, – я-то был уверен, что в моей сотне не найдется ни одного предателя. Ведь здесь все прошли отбор на преданность, и я был уверен и в этих шакалах, будь они неладны!

– Ну что ж, все не так и плохо, начало положено, – удовлетворенно кивнул номарх, – в конце концов, сейчас ты избавился от возможных предателей. Это будет важно, когда дойдет до действительно серьезного дела, а теперь двигаемся в столицу.

И поредевшая сотня во главе с номархом Сарниусом и сотником Шар-Кареном направилась к тоннелю.

5.

– Проклятые предатели и убийцы, – яростно, с дрожью в голосе, произнес Орагур, – когда я выберусь отсюда, вы заплатите за все! Клянусь, я все сделаю ради этого!

Вместе с ним такую же клятву дали Пирт и трое гвардейцев. В это время тучки снова открыли оба солнца, и висящая хрустальная панель с легким звоном рассыпалась на отдельные небольшие шестигранные кристаллы и рухнула в пропасть. Несколько кристаллов отлетели на площадку и упали к ногам стоящих людей.

– Какие интересные камешки, – подобрав два из них, сказал Пирт, – у нас в цирке их бы обязательно применили при жонглировании.

Он подобрал их один за другим вверх, намереваясь показать, как можно жонглировать ими, но один из гвардейцев схватил его за руку.

– Не сейчас, – сказал он.

Это было неожиданно для Пирта, и он не успел схватить один из кристаллов. Тот упал на камни и разлетелся на мельчайшие частицы. Упав на камни, частицы тут же испарились и превратились в туманное облако шагов десять в поперечнике. Облако загустело, закристаллизовалось и внутри него, как в зеркале, снова прошло все то, что только что видели путники, начиная с выхода трех человек из кустов, до момента, когда огромная панель рассыпалась под действием солнц. Путники снова пережили убийство командующего, появление незнакомца в черном вихре и уничтожение части гвардейской сотни.

– Никогда не видел ничего подобного... Вот оно что, – догадался Орагур, – в этих камнях осталось запечатленным все, что мы видели, и стоит разбить их, как все это увидишь еще раз.

– Пирт, это самое важное твое поручение, – обратился он к Пирту, – ты возьмешь такой кристалл и будешь беречь его, как зеницу ока. С его помощью мы покараем убийц!

– Будет сделано, господин советник, не сомневайтесь! – и тщательно упакованный кристалл занял место в заплечном мешке Пирта.

– Олиона, кто был этот, в балахоне? – спросил скандинав, когда страсти немного улеглись и люди отправились в дальнейший путь.

– Я никогда не встречала таких, – ответила она, – но какие странные двойные глаза были у него! Он точно миркутянин. Это их обычная манера бесстрастно говорить, считая себя выше других. У них особая каста жрецов, отличающаяся от всех остальных. Уж не один ли из самых верховных жрецов это был?

– Значит, миркутяне уже начали войну, а у нас об этом ничего не знают, – вслух рассуждал Орагур, идя за скандинавом по горной тропе, – и Сарниус, этот проклятый предатель, помогает им.

Олиона догнала его и взяла за руку. Его рука была холодной от переживаемого нервного напряжения, а ее рука была горячей и обжигала его, но, одновременно с этим, действовала успокаивающе.

– Ты далеко, очень далеко от того места, где погиб твой учитель, – сказала Олиона Орагуру, – но здесь ты не просто идешь. Уже одним фактом своего присутствия здесь ты уже сра-

жаешься с миркутянами, готовящимися напасть на твою страну. Тем более, если нам удастся встретить отца. Я уверена, что тогда мы вышвырнем миркутян и из моей страны, и из твоей. И тогда ты вернешься и отомстишь предателям.

Орагур, благодарно посмотрев на нее, ушел вперед, а на лбу его осталась непроходящая складка, первая из многих, которые возникают в самые напряженные моменты жизни, и отчего лоб всегда покрывается морщинами значительно раньше, чем они еще появляются где-либо на лице.

Едва красное солнце скрылось за ближними горными вершинами, как свет синего, уже близившегося к завершению дневного пути, но по-прежнему яркого солнца придал окружающему пейзажу оттенки, никогда ранее не виданные путниками. И в воздухе, и на скалах все было только в голубых и синих тонах. Над высокими вершинами, покрытыми вечными снегами, повисли ореолы ультрамаринового ярчайшего света. Ярко-синие водопады низвергали чистую синюю воду, рассыпающуюся мириадами синих брызг при соприкосновении с землей в крайней точке падения. Высоко над скалами парили синие орлы, то по спирали поднимаясь вверх в восходящих воздушных потоках, то камнем падая вниз, сложив крылья, чтобы вновь расправить их у самой земли, когда, казалось, они вот-вот должны уже были неминуемо разбиться о земную твердь. И люди были окрашены в различные оттенки синего цвета. Это было настолько неожиданно и незнакомо, что пришлось даже сделать привал, чтобы дать всем привыкнуть к сверкающим краскам окружающего мира. Через несколько дней все привыкли к световым эффектам и уже не обращали на них такое внимание. Но сейчас увиденное впервые зрелище необычайной игры красок оказало потрясающее впечатление на всех, за исключением местного жителя – Олионы, с детства видевшей эту игру света.

Тропинка, высеченная в скалах, вела путников в сердце гор. Широкая настолько, чтобы без напряжения могла пройти навьюченная лошадь в сопровождении ведущего под уздцы человека, она то вилась по краю скалы, то серпантинном опускалась в глубокие ущелья. В некоторых местах, где и дно ущелий невозможно было различить, настолько они были глубоки, через них были перекинута мостки из неизвестных пород деревьев, почерневшие от времени, но остающиеся несокрушимыми.

Тропинка закончилась внезапно, когда за очередным поворотом путники обнаружили глубокое ущелье, шириной с три-три с половиной десятка шагов. Мостика через него не было. И не видно было продолжения тропинки на другой его стороне. Та сторона была существенно ниже и по краю ее были разбросаны мелкие и крупные камни. Построить мост не было из чего. Экспедиция зашла в тупик. Оставалось возвращаться назад и искать новую дорогу в горы.

– Хоть ты по воздуху его перелетай, – толкнув ногой один из камней, сказал кто-то из гвардейцев.

– Что ты сказал? По воздуху перелетай? – переспросил его Орагур.

– Ну да! Вот только крылья дома забыл, – съязвил тот.

Однако Орагур уже был у края пропасти, рассматривая камни на противоположной стороне.

– Подойди-ка сюда, – подзвал он скандинава, а когда тот приблизился, показал на два больших камня, расположенных настолько близко друг от друга, что между ними было расстояние не больше пары ладоней, – ты сумеешь копьем попасть в промежуток между ними?

– Запросто, – ответил тот.

– А связкой из трех копий?

– Хоть из десяти. Только зачем?

– Пирт, иди сюда, – махнул рукой Орагур. Они отошли в сторону от всех.

Во время короткого разговора Пирт оживился и все время утвердительно кивал головой.

– Ты хочешь, чтобы он попробовал перебраться? – догадался подошедший к ним скандинав.

– Если только ты удачно сделаешь бросок. К тому же по-другому все равно не перейдем.

Крепко связав вместе три копыя и закрепив на середине связки один конец веревки, которую Пирт все время носил через плечо, скандинав подошел к краю обрыва. Все затаили дыхание. Он несколько раз примеривался, размахивался, но не бросал. Наконец скандинав отступил на полдесятка шагов, держа копыя в вытянутой назад руке. Короткий разбег – и копыя, с силой брошенные вверх и вперед, скрылись за валунами. Веревка же упала как раз между ними. Скандинав удовлетворенно хмыкнул, а Пирт осторожно начал подтягивать копыя вперед. Когда веревка перестала двигаться, он уперся ногами и потянул, как смог. Потом позвал в помощь скандинава и Нада. Вместе они тянули изо всех сил. Веревка не трогалась с места. Тогда своим концом веревки Пирт обмотал выступ на скале, с помощью все тех же скандинава и Нада натянув веревку, насколько это было возможно. После этого он взял копыя и привязал к обеим его концам по заплечному мешку, положив туда несколько небольших камней. Не успели его спутники перевести дыхание, как Пирт, держа копыя параллельно груди перед собой, вскочил на туго натянутую веревку и, осторожно переставляя ноги, пошел по ней на другую сторону пропасти, поддерживая баланс с помощью копыя с противовесами. Снова все затаили дыхание. Веревка немного прогнулась под его весом. На середине дороги нога Пирта соскочила с веревки. Он пошатнулся, отчаянно взмахнув копыем. Олиона вскрикнула, закрыла лицо руками...

Услышав рядом облегченный вздох, она отняла ладони. Пирт уже стоял на другой стороне пропасти, осматривая веревку. Все шумно заговорили, обсуждая его переправу и особенно момент, когда казалось, что он непременно упадет в пропасть. Пирта хвалили на все голоса все, кроме Орагура, на что не обратили особого внимания. Затем на другую сторону пропасти перебросили и другой конец длинной веревки. Середину ее на своей стороне пропустили сзади скального выступа. Пирт, натянув веревку, накрепко привязал второй конец к большому камню. Две туго натянутые веревки располагались на расстоянии шага друг от друга. Дальше пошла сама переправа. Надев для надежности сразу несколько поясов, закрепив короткую веревку одним концом на поясах, а петлю на другой стороне накинув на одну из веревок, путники повисали на ней и, перебирая руками другую веревку, быстро добирались до противоположной стороны пропасти. Орагур поступил еще проще – схватившись руками за веревку, он подпрыгнул и перекинул через нее ноги. И затем, быстро перебирая веревку руками, пользуясь тем, что наклон шел в нужную сторону, быстро оказался на другой стороне.

Спрыгнув на камни, Орагур отправился напрямик к Пирту и отвел его в сторону.

– Пирт, хоть ты и молодец, но все же порядочная скотина! – объявил он, когда никто не мог его слышать, – твой фокус с потерей равновесия чуть не заставил всех прыгнуть за тобой в пропасть. Ты думаешь, я не знаю твоих циркаческих штучек?

– Но, господин советник, что за представление, если оно чуть-чуть не пощекочет нервы зрителям? Тем более, что среди них находилась так за все переживающая дама. Вот и не утерпел, – заюлил Пирт, – но обещаю, что больше не буду!

6.

Переправа через пропасть затянулась допоздна. Когда последний человек оказался на другой стороне, Пирт отвязал веревку, перетянул ее на свою сторону и, снова смотав, повесил через плечо. Пора было устраиваться на ночлег.

Все дальнейшее время до ужина проходило под звездой Пирта. Со всех сторон на него сыпались похвалы. Каждый норовил благодарно пожать ему руку, высказать слова благодарности и восхититься его храбростью. Ведь он чуть не погиб, сорвавшись в пропасть, для того, чтобы соорудить переправу. Сначала он принимал похвалы, с опаской косясь на Орагура, который единственный понял, что этот срыв был не более, чем цирковой трюк, и что совсем не

обязательно было переходить по веревке сверху. Можно было воспользоваться методом Орагура, просто переползя пропасть, перебирая руками и цепляясь при этом ногами. Но в этом случае не было бы драматизма, а Пирт не был бы Пиртом, если бы и из простого для него дела не смог сделать представление. Но вскоре он понял, что Орагур ни слова никому не скажет, и начал воспринимать похвалы, как должное, доставив этим немало веселых минут исподтишка наблюдающему за этим советнику.

Путники находились на длинном, но нешироком каменном выступе, усыпанном большими валунами, следствием камнепада, вызванного одним из землетрясений. Еще не стемнело, но искать пригодное для ночевки защищенное место было уже поздно. Поэтому прямо здесь же, среди россыпей валунов у уходящей вверх стены, найдя небольшую площадку, пригодную для костра, развели небольшой огонь, используя несколько поленьев из принесенных с собой дров. Вскоре аппетитный запах, подхваченный небольшим ветерком, далеко разнесся над горами.

Но не успели путники приступить к трапезе, как где-то над ними раздались какие-то звуки, напоминающие цоканье копыт о камень. Все замолчали и насторожились. Цоканье стихло. А через некоторое время возобновилось, становясь все ближе. Находящийся сверху уступ скалы мешал рассмотреть источник цоканья. Люди, вскочив, схватились за оружие. Цоканье снова стихло. Понемногу успокоившись, все снова принялись за еду, и вскоре забыли про странные звуки. Как вдруг Олиона, сидевшая боком к каменной стене, вскрикнула и вскочила на ноги. Путники посмотрели в направлении ее взгляда и застыли в оцепенении. На каменной боковой поверхности уступа, в положении, сравнимом с нахождением мухи на стене, расположилось странное существо, которое должно было бы упасть, но почему-то уверенно держалось на вертикальной стене. Большое тело величиной не менее двух человеческих ростов с одной стороны оканчивалось такой же длины сужающимся к концу хвостом, а с другой массивной головой на толстой шее. Морда существа была вытянута вперед и заканчивалась большим ртом. Когда рот раскрылся, исторгнув шипение, внутри его стал виден раздвоенный язык и несколько рядов острых зубов. Ушей видно не было, а большие отражающие свет глаза были упрятаны в глубине костных наростов. Голая кожа в свете заходящего синего солнца отражала бледной синевой. Две массивные лапы начинались, казалось, из самого камня. А когда существо сделало шаг вниз, стало понятно, почему оно не падает с вертикальной стены. Его лапа вышла прямо из камня, переступив на другое место. На ней было шесть пальцев, направленных по три в разную сторону и заканчивающихся длинными когтями. И на месте, куда ступала лапа, камень под когтями буквально закипал и становился жидким, пропуская лапу внутрь себя, обхватывая ее и тут же твердея. Лапа держалась внутри камня, не дающего упасть существу. Оно имело агрессивный и неприятный вид. Но самое неожиданное было вот что. На макушке его головы находились десятка два больших перьев. Необычные узоры появлялись на них сами собой, переливаясь всеми цветами радуги, несмотря на присутствие на небе только синего солнца. Узоры перетекали один в другой, постоянно изменяясь, меняя линии и краски.

– Перья птицы мохо... – растерянно сказал кто-то.

Не отводя кровожадный взгляд от людей, существо сделало несколько сопровождаемых цокотом и шипением расступающегося камня шагов ближе, прыгнуло со стены, остановилось в нескольких шагах от застывших людей, и вдруг открыло зубастую пасть, из которой, как две змеи, высунулся раздвоенный язык, и громко завизжало.

Люди попятились назад. Олиона прижалась к стене, и вдруг прямо перед собой увидела перевернутые снизу вверх большие устремленные на нее глаза и острые зубы другого такого же существа, стоящего на стене головой вниз. Оно раскрыло пасть и устремило голову к девушке, намереваясь схватить ее. Она вскрикнула и отскочила в сторону. Мгновенно придя в себя, Орагур рубанул мечом по голове. С таким же успехом можно было рубить мечом каменную наковальню. Меч глухо лязгнул и отскочил назад. Но существо отвлеклось от девушки на Орагура

и попыталось схватить его. Он упал вниз на камни, и огромные челюсти существа лязгнули у него над головой. Тут же по ногам существа изо всей силы ударил мечом скандинав. Меч также отскочил, а существо, переступив лапами, туловищем сбilo его с ног. Скандинав откатился в сторону и тут же вскочил на ноги. Олиона отпрянула в сторону и бросилась бежать между камнями. Но в это время перешло в атаку другое существо. Люди бросились врассыпную, а перед Орагуром и скандинавом появился другой противник. Люди были немного быстрее и пока что успевали уходить от страшных зубов непрерывно атакующих неуязвимых существ.

Вдруг пронзительный крик Олионы обратил внимание скандинава и Орагура в ее сторону. Споткнувшись, она упала, сильно ударившись ногой, и теперь сидела спиной прижавшись к небольшому камню, не в силах подняться, а к ней не спеша, шаг за шагом, приближалось одно из существ, непрерывно вытягивая шею, открывая зубастую пасть, из которой ключьями летела пена и слюна. Вот оно нависло над девушкой...

Люди за камнями были отрезаны от Олионы другим существом, помочь ей не было никакой возможности. И вдруг Орагур сделал немыслимый прыжок высоко вверх, на стену, оттолкнулся от нее, перелетел через голову стоявшего напротив существа и опустился на камни за его спиной. Это заняло считанные мгновения, но на камни опустился уже не Орагур, а чудовищное создание огромного роста и страшной силы, лишь внешне напоминающее человека. Оно сразу же перевернулось через голову, снова взвилось вверх, одним прыжком перелетело расстояние в десятка два шагов и, оказавшись на спине существа, уже готового растерзать девушку, оседлало его шею, руками схватило его за обе челюсти и начало раздирать рот. Кровожадное существо завопило, попыталось сбросить седока. Но тот, кто сидел на ней, сейчас не походил на человека. Чудовищно вздулись бугры мышц, лицо искажала первобытная ярость. И размерами он почти не уступал кровожадным созданиям. Он был воплощением смертельной угрозы, и существо под ним почуяло это. Оно заметалось по площадке, теряя ориентацию, размахивая головой, чувствуя невыносимую боль в раздираемом рту. Затем нога существа соскочила с камней, оно потеряло равновесие и, отчаянно вопя, рухнуло в пропасть. Оттолкнувшись от него, Орагур, вернее, то, что прежде было Орагуром, прыгнуло, уцепилось за край обрыва, и, тяжело дыша, он уже в своем обычном облике влез на площадку. И хотя во время схватки Орагур пальцами рук вцепился в острые зубы чудовища, на них не было ни одного повреждения.

Он подхватил от ужаса потерявшую сознание Олиону на руки и, быстро осмотревшись, понес ее к большим камням и затащил в узкий и одновременно длинный промежуток между двумя огромными валунами. Здесь было достаточно места для всех путников. Скоро на его зов в этот промежуток, увертываясь от зубов оставшегося в одиночестве, но по-прежнему непробиваемого существа, заскочили все люди. Оно же пробежалось по камням сверху, попробовав достать кого-нибудь. Промежуток был слишком мал для его большого тела, а камни слишком большими, проникнуть к вожденной пище не было возможности. Очевидно, поняв это, существо остановилось перед входом в убежище, глядя немигающими глазами на людей в его глубине.

Олиона, приходя в себя, плакала навзрыд, обхватив руками Орагура и крепко прижимаясь к нему. Он гладил ее волосы и, прижимая к себе, неумело шептал в ухо успокаивающие слова.

– Я так за тебя боялась, думала, что ты погибнешь, – обратив к нему залитое слезами лицо, тихо шептала она, снова прижимаясь к нему.

Он же, прижимая ее к груди, тихонько поцеловал ее соленые глаза. Затем достал из пазухи большой пук переливающихся перьев и положил ей на колени.

– Вырвал, и сам не заметил, как, – смущенно сказал он.

Она сквозь слезы улыбнулась, сжала перья рукой, крепче прижалась к нему и скоро уснула, сломленная нервным напряжением. Скоро синее солнце скрылось за горами. Как

обычно в горах, вечера почти не было, сразу же наступила ночь. Чудовищный страж не шевелился.

Люди, как сумели, устроились на камнях, положив головы и ноги друг на друга. Но первое, что они увидели утром, это был тот же немигающий взгляд их чудовищного стража.

Орагур осторожно опустил на камень спящую Олиону, подсунув ей под голову свою куртку. Она скрутилась калачиком, но не проснулась. Он, переступая через еще спящих людей, подобрался поближе к выходу, где в раздумьях уже сидел скандинав. Тот сумрачно взглянул на советника.

– Ты не видел себя вчера со стороны, – сказал скандинав, – я бы не хотел встретиться с тобой лицом к лицу, ты не оставил бы шансов.

– Я ничего не помню, – признался Орагур, – увидел эту тварь над Олионой, сразу вышибло сознание, а пришел в себя уже здесь, между камней. Кто еще, кроме тебя, видел все это? В дальнейшем, если выживу, могут быть неприятности.

Скандинав понимающе кивнул: – Никто, кроме меня. Все были заняты своим спасением. Однако, ведьмин поцелуй дал тебе что-то полезное, хотя и очень опасное. Но ты с таким же успехом мог бы сломать шею и этой твари.

– Я уже пробовал войти в то состояние, ничего не получается. Я не знаю, как сделать это.

– Да-а, – протянул скандинав, – надо крепко подумать, что делать. Бегают эта тварь медленнее нас, но это по ровному месту. А здесь камни. От нее не убежишь. Да и бежать некуда. Кто знает, сколько можно пройти еще вперед без тропы и куда нас это заведет. А что-то делать все равно надо.

– А как ее глаза, если попасть в них?

– Я мечом пробовал, тот же камень.

Красное солнце уже выкатилось из-за гор, и окрестности отливали всеми оттенками красного цвета – от розового до пунцового и ярко-алого. К этому времени все, кроме Олионы, уже проснулись и с удивлением разглядывали своего стража.

– Неужели это и есть птица мохо? – удивился один из стражников, – ведь ее описывали совсем по-другому. А своей жене сколько я ее толченой кожи напокупал! Она ведь только ее как лекарство признавала. Поганые шарлатаны! – выругался он, – появлюсь домой, приду к этому лекарю, что мне втридорога какую-то дрянь вместо кожи всовывал, и заставлю его самого все это проглотить!

Несмотря на трагизм положения, всеобщий смех раздался под каменными сводами, разбудив и Олиону. Люди смеялись до слез.

– Ты знаешь, – отсмеявшись, рассудительно сказал Гардис, – я бы на твоём месте этого не делал. Эта дрянь ей помогает?

– Вроде бы. Во всяком случае, она становится веселее и ласковее после приема.

– Ну так и продолжай! – под вновь поднявшийся хохот заключил Гардис, – пусть считает, что это лекарство. Тебе то что – не тебе же его принимать! Зато она всегда довольна. И тебе удовольствие доставляет. Ведь так?

Тем временем Пирт, решив подразнить чудовище, бросил в него камень. Оно не отреагировало на бросок, хотя и немного встrepенулось, когда камень ударил по голове. Тогда Пирт подобрался ближе к выходу. Чудовище встrepенулось. Он замер – и чудовище успокоилось. Он сделал коротенький жест рукой – оно снова встrepенулось. Пирт понемногу оказался у самого выхода и осмотрел окрестности. Затем так же осторожно вернулся назад.

– Оно почти слепое в лучах красного солнца и хорошо видит только в лучах синего. Сейчас оно реагирует на движение. Я это точно знаю, – сказал он, – и предложу вам то, что пришло мне в голову. Это опасно, но возможно. Ты помнишь, как тебя взяли у камня? – спросил он скандинава.

Тот утвердительно кивнул.

– Я предлагаю сделать примерно то же самое...

После обсуждения, в котором все принимали участие, был выработан план действий.

Люди прижались к стенкам, давая, насколько это возможно, дорожку для разгона. Пирт разбежался и, сделав кульбит, пролетел мимо ног неуязвимого чудовища. Страшные зубы клацнули уже за его спиной, и он, вскочив на ноги и запустив обломком камня в голову чудовища, пустился бежать влево от него. Существо рванулось за ним, и они скрылись за камнями.

Тогда люди выбежали из щели между камней и бросились к двум большим валунам, расположенным в десятке шагов друг от друга, находящимся справа от них, на ходу разбившись на две группы и разматывая веревку, сложенную вдвое. Один ее конец тут же был закреплен на одном камне, второй конец туго натянули и закрепили на другом камне. Середину веревки, к которой был прикреплен небольшой круглый щит Пирта, оттянули еще одной веревкой назад так сильно, что, казалось, веревки не выдержат напряжения и лопнут. Оттягивающую веревку также закрепили за камень. Все это делали очень быстро, прислушиваясь к крикам Пирта, которые тот непрерывно издавал, сигнализируя этим о месте нахождения чудовищной твари, бегая с ней наперегонки, где платой за проигрыш была смерть.

Но вот все было готово. У оттягивающей веревки остались скандинав, стоявший у самого щита и закрывавший его спиной, и Гардис с мечом наготове дальше, у камня с оттягивающей веревкой. Все остальные стали здесь же, сразу за Гардисом, несмотря на то, что их выгоняли в безопасное место. Было понятно, что если задумка не удастся, спасения не будет. Все просто умрут от голода и жажды под камнями, или всех убьет кровожадная тварь.

Скандинав издал громкий воинственный клич. Крики Пирта начали приближаться. Он старался вывести чудовище прямо на стоявшего перед веревкой скандинава. Для этого ему надо было вести его за собой прямо по свободному от камней краю обрыва, а затем резко повернуть направо и бежать к веревкам.

Вот из-за камня выскочил Пирт. Он, тяжело дыша, остановился, подпуская чудовище поближе, чтобы у того и сомнения не было, что оно вот-вот схватит жертву, а затем пустился бежать, чувствуя его за спиной, но не убыстряя шаг. Раза два тварь вытягивала шею вперед, но зубы лязгали впустую. Ей совсем чуть-чуть не хватало, чтобы дотянуться до не желающей сдаваться добычи. Через десяток шагов Пирт припустил во всю прыть, и упал, проскочив мимо скандинава. И тут тварь, бежавшая за ним, ориентируясь по звуку шагов и силуэту, почувствовала другое движение впереди. Перед ней появилась добыча значительно большая, чем та, за которой она гонялась до этого. Эта добыча стояла на месте, прямо перед ней, и ее большой силуэт отчетливо выделялся на фоне камней.

Огромная тварь приближалась к скандинаву. Он оставался на месте, слегка качая туловище по сторонам, чтобы его можно было легко заметить. Когда тварь подобралась совсем близко, скандинав присел, отступил на шаг и снова выпрямился. Теперь щит был уже между ним и чудовищем. Оно сделало еще шаг вперед и зашипело, открыв рот, наполненный острыми зубами. Скандинав сделал еще шаг назад, и тогда тварь также сделала еще шаг вперед, практически уткнувшись в щит. Она уже нависала над скандинавом, готовясь схватить его зубами. Когти с шипением ушли в камень. И тут Орагур, внимательно наблюдающий за этой сценой, закричал: – Руби!

Гардис тут же полоснул мечом по оттягивающей веревке, разрезав ее. Огромная катапульта пришла в движение. Щит уперся в тело гигантской твари, и двойная веревка, распрямляясь, швырнула чудовище вперед. Громадный камень можно было бы далеко запустить таким образом, тем более живое существо. У кровожадной твари не было ни одного шанса. С визгом она пронеслось по воздуху и улетела в пропасть. Все радостно закричали, бросились к взъерошенному мокрому Пирту и, окружив его, подхватили на руки.

Скандинав же, услышав какое-то шипение снизу, наклонился и легко вытащил из расступающегося камня обломок длинного когтя. Он представлял собой почти прямое лезвие сильно вытянутого каплевидного сечения, заостренное по длине с одной стороны и полукруглое с другой, длиной в полторы ладони. Сломался коготь наискосок, заостренная часть начиналась на пол ладони от конца обломка. Видимо, доморощенная катапульта настолько быстро бросила чудовище, что даже коготь отломился, не успев выйти из камня. Скандинав, осторожно держа за обломанную часть, легонько провел когтем по краю камня. У него было ощущение, что он ведет когтем по воде, а, тем не менее, край камня с шипением отделился и упал вниз. Срез был идеально ровным, как отполированным. Скандинав хотел было взять коготь с собой, вытащил кусок ткани, чтобы завернуть его, но холст развалился от одного прикосновения к когтю.

– Вот тебе и раз, – огорчился скандинав, – его же невозможно забрать с собой!

– Имея такой инструмент, можно сделать все, что хочешь, – заметил Над, – дай-ка его сюда!

Он достал один из оставшихся факелов, провел когтем по его трубчатой рукоятке, отделив ее часть. В нее он осторожно, обломком внутрь, вставил коготь, прижав и заклинив его там. Получился своеобразный нож на деревянной рукоятке, которую он сверху, у лезвия, слегка заострил мечом. Затем он отделил еще часть факела, немного длиннее торчащей из ручки открытой части когтя, и с силой надвинул ее сначала на открытый коготь, а затем на рукоятку, заклинив ее на ней. В результате получился недлинный круглый разборный деревянный пенал-чехол, внутри которого находился коготь. Над протянул его скандинаву. Тот коротко поблагодарил и бросил пенал в заплечный мешок, вскоре напрочь забыв о его существовании.

7.

Путники избавились от двух страшных врагов. Но сколько еще здесь могло водиться таких чудовищ? Этого никто не знал, и надо было поскорее убираться подальше отсюда.

Быстро смотав веревку, люди тут же покинули ставшее опасным место. Следующие полдня они карабкались по россыпям камней, обходили большие обломки, поднимаясь все выше и выше. Ушибленная нога Олионы, по счастью, уже не болела и не мешала ее передвижению. Понемногу становилось холоднее, сказывалась высота. Выбрав более-менее ровную площадку, путники сделали небольшой привал на обед. Хотя все и не завтракали, но и сейчас без аппетита жевали высушенное мясо только потому, что понимали, что организм надо поддержать питанием.

После обеда Гардис с Надом ушли вперед, чтобы найти дорогу. Остальные устроились на камнях. Вскоре сверху посыпались мелкие камешки, оповещая о том, что кто-то из ушедших возвращается назад. Скала шла под довольно крутым углом, и Над, цепляясь за камни, осторожно спускался по ним вниз.

– Мы нашли щель в скалах, дальше есть тропа, – сообщил он.

Тропа находилась прямо под щелью, но, чтобы попасть на нее, пришлось с помощью веревки спуститься на нее с высоты в десяток человеческих ростов. Путники, довольно быстро управившись со спуском на тропу, не стали задерживаться на месте. Тропа изгибалась по горам и вела по направлению к перевалу.

Красное солнце уже собиралось скрываться за горными пиками, а цепочка людей упрямо продвигалась по узкой тропе все ближе к намеченной на сегодня цели – выйти на перевал. До желанной цели было совсем близко, когда ветер, дующий в спину, переменялся и задул в лицо. Он принес с собой запах смерти. И запах становился все сильнее по мере приближения перевала. На всякий случай люди приготовили оружие. Тем временем тропа стала значительно шире, и, наконец, вывела их на самый верх перевала. Отсюда хорошо были видна местность по другую сторону горы. Вдалеке, по центру горной низины, видны были утопающие в зелени

садов городские строения. Высокая стена окружала город, от неё в разные стороны уходили ниточки дорог. С правой стороны вне города, но вплотную к его стене, находилось большое озеро, питаемое проходящей через него рекой. Река обтекала город сзади и заканчивала свой бег в узком длинном заливе, хвостовая часть которого была окружена городскими постройками. Речной рукав, возможно, рукотворный канал, через проем в стене был заведен в город. Проходя его насквозь и выходя из противоположной стены, он снова сливался с рекой. Сам залив скрывался за невысокими горами, а примерно через тысяч десять шагов далее от него, слева от города, видна была морская гладь с черточками-кораблями на ней. Перед озером, частично закрывая его, на холме возвышалась огромная мрачная ступенчатая пирамида, также окруженная стенами, занимая участок по площади с четверть города.

– Храм Черной Змеи, они все примерно одинаковы, – показала на пирамиду Олиона.

Горные террасы со всех сторон города имели вид разноцветных лоскутов – все были распаханы и засеяны разными культурами. Насколько хватало взгляда – за городом, справа и сзади от него – были горы. Полностью покрытые зеленью, почти все с закругленными вершинами, они резко отличались от голых угловатых скал, которые путники преодолели и оставили позади себя.

По дальним горным склонам видны были отары каких-то неразличимых за дальностью расстояния животных. Перевал с другой стороны горы переходил в небольшую долину, поросшую невысокой травой и отдельными кустарниками. И среди травы лежали мертвые тела, запах которых и приносил дующий через перевал ветер. Путники осторожно приблизились к ним. Они были убиты не более двух дней назад. Никакой защитной брони на них не было, только спереди на рубашках были кое-где нашиты толстые кожаные кольца. Похоже, что устроенная в кустах засада пропустила их мимо себя, а затем большую часть перебила в незащищенную спину короткими копьями: лишь рядом с пятерыми из лежащих были длинные серповидные ножи из твердого дерева, и убиты они были рубящими ударами, остальные погибли от копий, пронзивших спину.

Олиона вскрикнула и показала на одного из лежавших.

– Это Калирул, помощник отца, – растерянно сказала она, – и этих двух я видела с ним, – указала она еще на два тела, – и вообще, они все из народа олиев.

– А мой отец? Неужели и его тоже? – слезы брызнули из ее глаз.

– Напавшие оставили здесь всех убитых олиев и унесли с собой своих убитых и раненых, – сказал Орагур, – если бы он тоже был убит, ты бы нашла его здесь. Если он был здесь и был ранен или захвачен, то мы это скоро узнаем.

– Да, теперь понятно, почему нас никто не встретил, – подытожил скандинав, – встречающие спешили к нам и не заметили устроенную здесь засаду. Теперь нам рассчитывать не на кого, только на себя. Когда еще там у вас разберутся, почему никого нет и пришлют замену. Поэтому сейчас мы немного спустимся, найдем где переночевать, а утром попробуем все разузнать у местных.

– Надо бы похоронить их, – вздохнула Олиона.

– Мы не будем сейчас делать это. Придет время, ты вернешься сюда и поставишь им памятник, – остановил ее скандинав, – но сейчас надо, чтобы никто не догадался о нашем присутствии.

Путники миновали долину и начали спускаться вниз. Вскоре слева на поросшем деревьями и травой склоне обнаружилась пасущаяся отара, и путники повернули к ней. Это были странные животные – телом с овцу, но на длинных ногах, с небольшими вытянутыми головами, длинными шеями, стоячими большими ушами на голове, полностью покрытые шерстью. Невдалеке обнаружилась хижина пастуха, и путники направились прямо к ней.

Услышав приближающиеся шаги, из хижины вышел пастух. Среднего роста, с черными длинными волосами, почти не тронутыми сединой, несмотря на достаточно преклонные годы,

перевязанными ремешком, идущим через лоб, с горбатым носом и с загорелой до бронзового оттенка кожей. Одет он был в широкие штаны, куртку на завязках, на ногах кожаная плетеная обувь. Он с удивлением смотрел на приближающихся людей, переводя взгляд с одного лица на другое. Особое внимание он обратил почему-то не на могучего скандинава, как можно было бы ожидать, а на Гардиса. Обежав всех взглядом, он снова и снова вглядывался в его лицо.

– Что он во мне нашел? – недоумевающе спросил Гардис, которому стало даже немного не по себе от такого пристального внимания.

Услышав звуки незнакомого языка, пастух поклонился и, в свою очередь, заговорил на певучем языке, произнеся несколько фраз.

Олиона тут же ответила ему и, облегченно вздохнув, сказала: – Он желает всем доброго здоровья и приглашает чужеземцев – спутников сына правителя провинции Зитуаны олиев в свою хижину. Я знаю этот язык, – добавила она, – он родственен языку олиев. Это значит, что мы находимся на земле ганпаров. И нам надо будет переправиться через пролив, чтобы попасть на землю олиев.

Пастух отступил в сторону, сделав приглашающий жест. Люди зашли в хижину, казавшуюся снаружи маленькой, но изнутри оказавшейся достаточно обширной, чтобы все без особых хлопот разместились в ней. Изнутри она освещалась небольшим очагом, расположенным в одном из углов. И в хижине вообще не было никакой мебели, кроме нескольких полок на стенах. Да в углу лежала стопка ковров и одеял.

– Какого сына правителя провинции он имел в виду? – переспросил Орагур, – и как определил, что мы чужеземцы?

Олиона заговорила с пастухом, достававшим сыр, мясо и кувшины с молоком и чем-то вроде пива и расставляющим все это на разложенное по полу покрывало. Пастух, отвечая ей, снял с полки, висящей на стене, глиняные кружки и нож, сделанный из зеленоватого камня.

– Он говорит, – перевела Олиона, – что ему понятно стремление сына правителя провинции Зитуаны остаться неузнанным, но его не следует опасаться. Он хорошо знал правителя провинции, так как много лет в землях ганпаров, в том числе и у него, закупали к его столу сыр и молоко. Правителя он не видел уже около трех десятков зим, а сын его, который удостоился чести посетить хижину скромного пастуха, полная копия отца. А все его сопровождающие совершенно отличаются от живущих здесь народов. И оружие у чужеземцев не такое, как у местных.

– И еще он говорит, – добавила она, – что терпение народа уже заканчивается. Завоеватели-миркутяне каждую полную луну устраивают человеческие жертвоприношения, хватая правого и виноватого. А появления сына правителя провинции все уже давно ждут.

Сыр и мясо оказались кстати изголодавшимся путникам, но местное пиво они все же предпочли заменить молоком.

– Я понимаю каждое его слово, – тихо сказал Гардис Орагuru, – такое ощущение, что я абсолютно знаю этот язык.

Он внимательно вслушивался в звуки, и, ко всеобщему удивлению, вдруг произнес длинную фразу на языке пастуха, обращаясь к нему. Это было настолько неожиданно, что у Орагура округлились глаза. Он даже подавился кусочком сыра, и скандинаву пришлось несколько раз хорошенько ударить кулаком по его спине, помогая восстановить дыхание. Пастух лодочкой сложил ладони перед грудью и, ответив короткой фразой и отвесив Гардису полупоклон, вышел из хижины. Путники мало отличались от Орагура, застыв на месте с открытыми ртами.

– Как ты сумел за такое короткое время выучить их язык? – обретя дар речи, спросил Пирт.

– Я не выучивал его. Я его знал. Он вдруг просто родился во мне. Не знаю, откуда и как.

– А что ты ему сказал?

– Просто поблагодарил за ужин и попросил принести обыкновенной воды, чтобы умыться. Он ответил, что мы здесь в полной безопасности и можем положиться на него.

– Оказывается, интересная у нас компания, – заметил скандинав, – есть будущий энси в сопровождении хотя и маленького, но все же собственного войска – «бессмертных», есть царевна – ведь ты дочь вождя, по сути, царя народа олиев, а, значит, царевна; есть главарь шайки разбойников, вдруг превратившийся в сына правителя провинции, с собственным телохранителем, есть веселый циркач.

– И есть авантюрист с большой дороги, который оказался там, где не надо, и от этого влип в неприглядную и опасную историю, – под общий смех добавил Орагур.

– Пусть будет так, – благосклонно кивнул головой скандинав, – хотя ты первый, кто безнаказанно назвал меня авантюристом. Но наше то, что ты называешь авантюрой, на глазах приобретает совсем иной оттенок. Очень похоже, что здесь назревает грандиозная драка, и что нам, благодаря новоявленному сыну правителя, никак не удастся остаться в стороне от нее.

– Да, – кивнул головой Орагур, – его появление, если старик пастух прав, легко может спровоцировать народ на восстание против миркутян. Мы же ничего не знаем об обстановке в городе, кто там чем дышит.

– Ты опять намекаешь на очередную разведку? – спросил скандинав, а когда Орагур утвердительно кивнул головой, добавил: – Ты абсолютно прав. В городе обязательно надо побывать и узнать, что там творится. И на сей раз пойдут туда те, кто знает язык – Гардис и Олиона. Их задачей будет просто пройти, осмотреться и попробовать найти способ перебраться через пролив. Гардис, категорический приказ: не связывайся в драку. Ни под каким предлогом. Ты понял? Разведка, и только разведка. Наша цель все-таки не эта местность, а земля олиев. Отправитесь утром. Попросим помочь вам этого пастуха, а мы ему тем временем поможем пасти стадо.

В это время, держа большую бутылку, сделанную из высушенного пузатого растения и наполненную холодной водой, вошел пастух.

– Узнай у него, почему на перевале лежат убитые, – попросил Орагур.

– Два дня назад днем мимо прошли с полсотни солдат храмовников. А вечером возвращались назад. Несли с собой с десятков своих убитых и полдесятка раненых. Прошли мимо злые и даже ничего не отобрали, как делали обычно.

– А пленников с собой не вели? – затаив дыхание, спросила Олиона.

– Нет, никого, я бы увидел, – ответил пастух.

Олиона с облегчением вздохнула.

– Кстати, – добавил скандинав, – спроси пастуха, что это за животные.

– Я это знаю и сама, ведь я из этих мест, – сказала она, – их называют альпы, с их помощью перевозят грузы, они дают шерсть для одежды, ведь зимой в горах очень холодно, дают молоко и мясо.

– Тогда растолкуйте пастуху, что нам нужно от него завтра поутру.

Пока Олиона с Гардисом разговаривали с пастухом, остальные путники вышли из хижины. Снаружи было уже темно. Яркие созвездия имели конфигурацию, совершенно отличающуюся от привычной, и ориентироваться по ним не взялся бы никто из присутствующих. Полная луна висела над городом, освещая землю желтоватым светом. Далеко в городе редкие ряды огней уходили от порта по направлению к группе освещенных самых высоких в городе зданий, а также к еще ярче освещенному храму Черной Змеи.

– Интересно, а там что у них? – спросил Орагур, показывая направо.

С правой стороны от храма склоны ближайшей к нему горы, чьи контуры угадывались в неярком лунном свете, также были покрыты множеством огней.

Сзади послышалась певучая речь – Олиона, Гардис и пастух также вышли из хижины наружу.

– Город называется Ацатекуан, что переводится как расположенный на морском заливе. А огни не гаснут ни днем, ни ночью, – переводила девушка, – из этой горы непрерывно сочится ее кровь, черная и густая. Много лет назад, еще до его рождения, ее подожгли, и она вытекает и горит до сих пор. Только служители храма имеют право собирать ее. Ее заливают в большие каменные чаши, опускают фитиль, поджигают его и таким образом освещают порт и дороги в районе, где живут самые богатые пособники миркутян, а также к храму и сам храм. В общем-то любой может купить у храмовников кровь гор, заливать ее в лампы и использовать для освещения. Вот только далеко не каждый может это себе позволить. Раньше гора принадлежала всем. Любой мог набирать кровь гор столько, сколько ему надо. С появлением храмовников эта гора объявлена священной и доступ к ней закрыт. А если кто-то сам попробует набрать кровь гор, то это карается тем, что виноватого приносят в жертву богу Черной Змеи. Жертвоприношения же происходят вечером и ночью в день полнолуния, то есть начнутся завтра. Но все равно находятся смельчаки, ухитряющиеся тайно набирать кровь гор и тихонько снабжать ею жителей, и даже увозить на лодках через пролив к олиям.

– Спроси его, – тут же встрепенулся скандинав, – может ли он познакомить нас с такими перевозчиками?

– Он знает такого человека. Днем в городе в корчме, недалеко от пристани, с ним можно будет переговорить.

– Значит, завтра так и сделаем, – заключил скандинав, – давайте теперь спать. Хоть мы и у друзей, однако мало ли что. Поэтому дежурство в обычном режиме.

В хижине на полу пастух набросал шерстяные одеяла. Гардису же были предложены несколько уложенных друг на друга ковров, которые он тут же переуступил Олионе, на которых она с наслаждением и растянулась.

Рано утром, едва красное солнце выкатилось из-за гор, все были уже на ногах. После плотного завтрака Гардис, Олиона и пастух начали собираться в город. Пастух подозвал стадо альп, выбрал из него трех крупных животных. Из погреба, расположенного позади хижины, он достал несколько кругов сыра, завернул в материю и перебросил их через спину альп. Каждое из животных обвязал шерстяной веревкой за шею.

Орагур достал из мешка несколько золотых слитков и протянул их пастуху.

– Что это? – удивился тот.

– Деньги, которые ходят у нас.

Пастух с удивлением повертел в руках золотистые пластинки, затем вернул их назад.

– Я знаю этот металл, – сказал он, – у нас из него мастерят некоторые украшения, посуду и ничего более. Здесь он ничего не стоит. Он очень мягкий, из него ничего путного сделать нельзя. Мы будем как пастухи, – продолжил он, – пойдем в город продавать сыр. Каждая голова стоит четыре связки раковин пури, альпа стоит шестьдесят связок раковин, или полтора десятка голов сыра.

– А что такое раковина пури? – спросил Пирт.

Пастух открыл висящий на стене шкафчик и достал из него связку перламутровых раковин какого-то морского моллюска, проколотых сбоку и связанных веревкой.

– Этот моллюск водится только в одном месте далеко в море, – сказал он, – добывать его очень трудно. Вся добыча раньше принадлежала нашему правителю, теперь же на нее наложили лапу жрецы. Они диктуют в городе все – начиная от цен, заканчивая одеждой. Вот вам и одежда для города.

Пастух снял со стены три длинных коричневых плаща с капюшонами.

– Носить оружие строжайше запрещено, – продолжал пастух, пока Гардис и Олиона облачались в плащи, – если у кого-то находят хотя бы маленький ножик, его непременно приносят в жертву в ближайшее новолуние.

– Пусть сначала найдут, а потом попробуют взять, – зло прошипел Гардис, затыкая за пояс кинжал. Олиона свое оружие оставила в хижине.

Вскоре три пастуха, надвинув, как того требовали жрецы, капюшоны на лица, взяв каждый в руку веревку с привязанной альпой, несущей на боках по три-четыре головки сыра каждая, отправились в город.

А во второй половине этого дня что-то неладное стало твориться в городе – видно было, как от города к храму бежали маленькие человечки, затем от храма к городу побежали организованные группы. Похоже, что это были солдаты. Затем кое-где в городе начались пожары и часть его заволокло дымом. Люди в хижине терялись в догадках. А вскоре какой-то запыхавшийся подросток лет десяти вбежал в хижину и подал скандинаву кусок белой материи, на которой по-шумерски углем было написано следующее:

– Олиону захватили и увели в храм. Я с помощью друзей отвлеку стражу на себя. Нужна ваша помощь. Ацатеталь знает, куда вести.

И ниже стояла подпись: Гардис.

– Ацатеталь, очевидно, ты? – тыча пальцем в грудь подростка, спросил Над.

– Ацатеталь, Ацатеталь, – кивая головой и ударяя себя в грудь кулаком, быстро затараторил мальчик, и, схватив Нада за руку и что-то горячо говоря, потащил его к выходу.

– Говорил же я ему – не вмешивайся, – торопливо собираясь, говорил скандинав, – а он все-таки поднял город на дыбы.

– А, может, у него выхода не было? – предположил Орагур, – во всяком случае, нам надо успеть до темноты.

И горстка людей, завернувшись в балахоны, которых у пастуха было с избытком, спрятав под ними оружие, завернув в материю луки, чтобы не бросались в глаза раньше времени, быстрым шагом направилась вслед за мальчишкой в сторону пирамидальной башни, господствующей над окрестностями, бросив стадо у хижины на произвол судьбы.

8.

Оба солнца еще не намного поднялись над горами, когда три пастуха, закутавшись, как того требовали правила, в коричневые балахоны и низко надвинув капюшоны, ведя в поводу альп, подошли к городским воротам. Высокие защитные стены, сложенные из массивных грубо отделанных камней, через равные промежутки прерывались высокими башнями с зубцами по верху. В верхней части стен были устроены широкие бойницы, чтобы обстреливать противника сверху и сбрасывать на его голову камни. Гардис сразу же отметил разницу в ширине бойниц здесь и в Шумерии. И быстро понял, в чем причина различий. Дома, в Лагаше, бойницы узкие, потому что это обеспечивает лучшую защиту лучникам, а чтобы выпустить стрелу, узкой щели вполне достаточно. Здесь же, несмотря на умело возведенные грандиозные постройки, совершенно не знали, что такое лук со стрелами, обходясь каменными топорами и короткими метательными копьями с каменными наконечниками, которые достаточно далеко бросали с помощью вырезанного из дерева приспособления, напоминающего разрезанную вдоль половину небольшой трубы. А чтобы метнуть копье, места надо значительно больше, да и вверху, на стене, защитники ее в большей безопасности при отсутствии далеко летящих стрел. Снаружи, у внешних ворот, некоторые воины как раз занимались отработкой метания таких копий и топоров. Копья летели удивительно точно и дальше, чем мог бы рукой запустить копье сам Гардис, хотя, конечно, это не шло ни в какое сравнение с длиной полета стрелы. Удивление вызывало и другое вооружение воинов – короткий меч из зеленоватого камня и сплетенный из прутьев обтянутый сверху кожей продолговатый щит. Похоже было, что оружие из металла вообще незнакомо местным жителям. Одежду же воинов составляли кожаные штаны, на ногах мягкие кожаные сапоги без каблучков. Рубашка отсутствовала напрочь. Зато тело покрыто было

разноцветными рисунками и голова украшена несколькими перьями. Скрип, визг и скрежет, далеко разносящиеся по окрестностям, заглушали все звуки. Перед глазами изумленного Гардиса по вымощенной обтесанными камнями дороге в город вливались многочисленные повозки, влекомые альпами, и люди, несущие груз. То, что здесь называлось повозками, представляло собой две длинные палки, один конец которых привязан по разным бокам альпы, а другой просто волочился сзади по камням. Внизу между палками вставлена пара распорок, и промежуток между ними обвязан сеткой. На ней сложены всякие грузы – начиная с того же сыра, мяса, и заканчивая горшками, тарелками и прочим. И вся эта издающая неопишуемые звуки рать, сделав небольшую остановку перед воротами, где суетились сборщики дани, уходила затем в глубину ворот, в город. Здесь не было ничего круглого и катящегося. Впрочем, в этом не было ничего удивительного – по горам вверх-вниз куда легче тащить такую волокушу, чем пытаться толкать телегу на колесах вверх или пробовать затормозить ее при движении вниз.

Юркий человечек в сопровождении пары воинов подскочил к пастуху. Несколько раковин легло на его протянутую ладонь, и он, сразу же потеряв интерес к трем закутаным в балахоны пастухам, переместился к другим волокушам.

Рва перед стеной не было, да и выбить его в скальном грунте было бы проблематично. Стены города в высоту поднимались на полдесяток человеческих ростов. Но при этом были неширокие – по верху едва могли разминуться два человека, а по низу занимали всего с десяток шагов.

Вливающийся в ворота людской поток, состоящий из носильщиков, несущих за спиной груз, и погонщиков, ведущих за собой гирлянды тянущих волокуши альп, весь был одного, коричневого, цвета. Но, пройдя ворота, люди сбрасывали капюшоны и шли далее более свободно. К одной такой группе, идущей впереди Олионы и Гардиса, с бранью подскочил жрец в черной одежде, требуя надеть капюшоны. На него никто не обратил ровно никакого внимания. Тогда он убежал, но вскоре появился снова в сопровождении двух вооруженных солдат. Люди, низко надвинув капюшоны, немедленно окружили их. Солдаты, держа оружие наизготовку, отступили к стене, а вопящего жреца толпа оттеснила за угол, где его вопли быстро прекратились. Через короткое время место вокруг солдат опустело. Только тогда они зашли за угол и под руки вывели оттуда жреца, избитого, всего в крови и порванной одежде. Проходящие мимо носильщики и пастухи отпускали в их адрес язвительные реплики. Солдаты, не огрызаясь, увели еле переставляющего ноги жреца в другую сторону.

Поток вошедших в город людей вливался в большую базарную площадь и расплзался по ней в разные стороны. Здесь, на площади, продавалось все, что только можно было вырастить или произвести руками – начиная с глиняных горшков и заканчивая экзотическими фруктами и разноцветными материями, одежду из которых, как объяснил пастух, носят, не выходя из дома.

Альп и привезенный сыр пастух оставил своим знакомым, а сам повел не снимающих капюшоны Олиону и Гардиса в сторону порта. Все люди вокруг были наподобие пастуха, приведшего их – черноглазые, черноволосые, с орлиными носами и четко очерченными чертами лица. Синеглазая Олиона и светловолосый Гардис резко выделялись бы из этой черноволосой толпы, а привлекать к себе внимание Гардис не хотел.

Извилистые улицы, которыми пастух вел спутников, существенно отличались в лучшую сторону от улиц городов Шумера. Здесь было куда как чище. Они были значительно шире, по каждой из центральных улиц сбоку в каменном русле бежала вода, унося сбрасываемые нечистоты. Питиевая же вода подводилась закрытыми каменными трубопроводами. На улицах были установлены фонтанчики для питья, непрерывно изливающие холодную чистую воду. Порт, расположенный на окраине города, в выступе залива, уже издали объявил о себе гомонном толпы грузчиков, непрерывным движением товаров и, самое главное, характерным при-

знаком, объединяющим все порты мира – запахом гниющей рыбы. Здесь же, на территории порта, был рыбный рынок, на котором можно было приобрести не только крупную партию рыбы для какого-нибудь застолья, но и несколько рыбешек домой на уху. А так как всем этим людям – и гребцам, и грузчикам, и купцам – надо было где-то спать, что-то есть и как-то отдыхать и развлекаться, в порту и сразу за его пределами было значительное количество и постоянных дворов, и дорогих трактиров, и просто дешевых забегаловок по типу корчмы, в одну из которых пастух и привел Олиону и Гардису.

Невысокая дверь, висят на ременных петлях, распахнулась от сильного удара изнутри, и из нее вылетели два уже с утра пьяных моряка, которые, грязно ругаясь, с трудом встали на ноги и, обнявшись и начав не петь, а вопить какую-то песню, пошатываясь и выделывая кренделя ногами, чтобы не упасть снова, направились прочь. Два здоровых горбоносых мужика, которые выбросили их за двери и скрестив руки стояли у входа, ожидая, не начнут ли пьяницы лезть обратно в кабак, дождавись, когда те уйдут подальше, скрылись за дверью. Следом за ними в помещение в сопровождении пастуха зашли Олиона с Гардисом.

В нос ударил немного кисловатый запах дешевой еды и местного откровенно плохого пива. Народа в кабаке было немного. Четверо моряков сидели у противоположной стены. Перед ними стояла тарелка крупно порубленного мяса с гарниром из овощей и две большие глиняные бутылки с пивом, которое они разливали по глиняным же кружкам и, почти не закусывая, раз за разом опрокидывали в луженые глотки. Между ними, хихикая и подливая им выпивку, сидели девицы легкого поведения, чья сегодняшняя охота явно удалась, и по всему было видно, что они останутся не в накладе. Ближе к двери сидели две небольшие группки портовых грузчиков в пропитанных рыбьим жиром передниках. Вышибал не было видно, во всяком случае, они не показывались на глаза.

Пастух провел Олиону и Гардису к скамейке рядом со входом на кухню. К ним тотчас же выбежал разбитной хозяин. После коротких переговоров в руки хозяина переключало несколько раковин, местных денег, а на столе появилась бутылка пива и блюдо с местным лакомством. Олиона и Гардис сбросили капюшоны с голов. Гардис разлил пиво по кружкам и только теперь, обратив внимание на странную тишину, установившуюся в помещении, поднял глаза. Портовые грузчики, сидевшие в корчме, повернулись в их сторону и внимательно их рассматривали, тихо переговариваясь между собой.

Он машинально сунул руку внутрь хламиды, нащупывая рукоятку кинжала. Олиона также заметила эти взгляды и напряглась.

– Здесь чужих нет, – заметив это, вполголоса сказал пастух.

В корчму ввалилась ватага из десятка людей, в которых с первого же взгляда можно было признать моряков. Обветренные лица, распахнутые рубашки, загорелые до черноты и с неизменной серьгой в одном ухе. Черные волосы повязаны на любимый моряками всего мира манер: обрезанной на угол цветной материей с узлом на затылке. Среди них был и мальчишка лет десяти в таком же наряде. И никакого намека на коричневые хламиды, навязываемые жрецами. Они сдвинули рядом два стола, по-хозяйски расположившись на скамейках за ними, и вокруг них сразу же засуетился хозяин корчмы и его служанки.

– Морская вольница, – заметил пастух, – у моряков шаткое перемирие со жрецами, частенько переходящее в драку. Моряки плавают с купцами в другие земли, их трудно причесать жреческой гребенкой. А нужный нам человек, владелец корабля, среди них. Вон он, без повязки на голове.

Нужный человек внешне отличался от других разве что еще более загорелой кожей и живыми черными глазами. Пастух подошел к нему и сказал на ухо несколько слов. Тот сразу же обернулся, быстро взглянул на Олиону и Гардису, бросил короткую фразу сидящим вместе с ним за столом морякам. Один из них сразу подошел к раскрытой двери корчмы и остано-

вился там, подперев стену, ковыряясь в зубах и осматривая окрестности. Сам владелец корабля с кружкой в руке сел за столом напротив Олионы и Гардиса.

– Что желают молодые люди? – спросил он.

– Нам надо перебраться на другую сторону пролива, к олиям, – сказала Олиона.

– Зачем такой красавице олии? – отхлебывая пиво из кружки, засмеялся владелец корабля, – оставайся у нас. С такой внешностью ты могла бы стать царицей морских волков.

Олиона вспыхнула и хотела было надерзить нахалу, но ее остановил Гардис, делавший вид, что занят едой, но сам наблюдавший за моряком. Тот смеялся и шутил, но глаза его оставались напряженными и серьезными, за показным весельем скрывалось серьезное прощупывание собеседников. Олиона не разобралась в этом, однако Гардиса было не провести.

– Нам действительно надо на другую сторону, – сказал он, – и не буду скрывать, что мы не одни.

– Сколько вас? – сразу став серьезным, спросил моряк.

– Девять человек, – ответил Гардис.

– Но есть одна загвоздка, – вступила Олиона, – нам пока нечем заплатить. На той стороне мы должны встретиться с нужными людьми, и тогда мы заплатим столько, сколько вы скажете. Назови только цену.

– Цена для вас известна, – моряк снова отхлебнул из кружки и, поставив ее на стол, положил сжатые в кулаки руки на край стола.

– Цена известна, – повторил он, глядя в глаза Гардису, – вышвырнуть миркутян и их жрецов с нашей земли.

Гардис, не отводя глаз от глаз моряка, продолжал спокойно, словно ничего не случилось, потягивать пиво. Олиона со скучающим видом смотрела в сторону.

– Уважаемый, а ты случайно не ошибся местом назначения? – наконец, спросил Гардис.

– Конечно, я не ошибся, – убежденно сказал моряк, – как не ошибся и ты, обратившись ко мне. Слух о твоём прибытии бежит далеко впереди тебя. Все только и ждали твоего появления. Проклятые людоеды заперлись в башне, и так просто их не выгнать оттуда. И раз за разом уничтожают людей!

Моряк почти прокричал это и грохнул кулаком по столу. Из-за его стола сюда подскочили другие моряки и столпились за спиной своего капитана, глядя на Гардиса.

– С первого же взгляда мы все узнали тебя, – продолжил капитан, – мы знаем, кто ты, куда и для чего стремишься. Любой из нас, здесь находящихся, отдаст руку для того, чтобы помочь тебе в твоём деле, и разговор об оплате за это будет оскорблением всех нас. Но, похоже, что твоего появления ждут и миркутяне. Их ищейки в последнее время развили бешеную активность. Лазят везде, где можно и где нельзя. На море досматривают каждый корабль. Проскочить мимо них становится все труднее.

Капитан замолчал, окинул взглядом стоявших за спиной моряков.

– Мы отплываем сегодня ночью, – сказал он.

– Ацатеталь сбегает к твоим друзьям и приведет их на корабль, – капитан положил руку на голову пришедшего с ними мальчишки.

В это время стоявший у двери моряк обернулся.

– Миркутянские ищейки! – выдохнул он.

9.

– Сюда, скорее! – капитан, рванув за собой Гардиса, прыгнул в открытую дверь кухни. За ним бросился мальчишка. Олиона, запутавшись в длинных полах хламиды, растянулась на полу. В помещение, отбросив пытавшегося задержать их матроса, ворвались солдаты, окружив находящихся здесь людей. Следом за ними появился человек в черной рясе.

– Вы все являетесь нарушителями закона о правилах поведения, – заявил он, – в котором регламентировано, в какой одежде должны ходить добропорядочные граждане. Вашу дальнейшую судьбу будет решать высший судебный орган, состоящий из лучших людей города и представителей храма Черной Змеи. А теперь обыскать дом!

Одни солдаты начали связывать руки всем оставшимся в корчме людям, другие разбежались по кухне и другим помещениям. К человеку в рясе солдаты подвели связанную Олиону. Протянув руку, он схватил ее за волосы и подтянул к себе, рассматривая их.

– Какая удача, – довольно сказал он, – ее немедленно доставить в храм. Не спускать глаз! И закройте ей голову, никто не должен ее видеть!

Олионе тут же нахлобучили на голову ее капюшон, выволокли на крыльцо, перекинули через спину стоявшей там альпы и под охраной окруживших ее со всех сторон солдат в сопровождении непрестанно подгонявшего их человека в рясе быстро повезли по направлению к каменной пирамиде.

Вскоре в обеденный зал привели хозяина корчмы, служанок и кухарок.

– В твоём заведении нарушался закон, – обратился к хозяину командир военного отряда, – поэтому все здесь подлежат аресту, а корчма конфисковывается.

– Выводи их, – скомандовал он солдатам.

Солдаты вывели арестованных, но не успели сделать и десятка шагов от корчмы, как на близлежащих улицах появились бегущие сюда моряки и жители города. Они плотной толпой стали перед полусотней солдат, не пропуская их дальше. Ни на одном из них не было коричневой хламиды.

– Вы все нарушаете закон и будете арестованы! – закричал командир, – приказываю всем разойтись!

В ответ толпа еще ближе подошла к солдатам. Из нее вышел человек в коричневой хламиде, но со сброшенным капюшоном, со светлыми волосами и шрамом на лбу.

– Немедленно освободите всех арестованных! – крикнул он, – иначе мы сделаем это сами!

Увидев его, некоторые солдаты попятились, а у некоторых в глазах зажглись алчные огоньки.

– Это он! – закричал один из солдат, – за него обещана огромная награда! Хватайте его!

Он бросился на светловолосого человека, взмахнув каменным ножом. Нож встретился с блестящим в свете солнц клинком, извлеченным светловолосым человеком из-под хламиды, и разлетелся на части. Гардис, а это был, конечно же, он, сбросил хламиду, обернулся к стоявшей сзади толпе и, крикнув: – Бей их! – набросился на солдат.

В следующее мгновение толпа накрыла отбивающихся изо всей силы солдат. В считанные мгновения они были перебиты, лишь некоторые сумели вырваться и удрали со всех ног.

– Они приведут других солдат, – сказал Гардис, вытирая кровь с клинка, – но где же моя спутница?

– Ее чуть раньше успели отправить в пирамиду, – ответил находившийся здесь же один из освобожденных моряков, – и догнать ее мы не успеем, они доберутся значительно быстрее.

В это время из разных концов города донеслись звуки, напоминающие звуки удара металла по чему-то звонкому.

– Мы не сумели перебить всех солдат, они подняли тревогу, – тревожно сказал кто-то из окружавших моряков.

– Ну и что? – задорно крикнул капитан, – ведь он с нами! – он показал на Гардиса.

Толпа приветственно закричала.

– К казармам! – скомандовал капитан, – захватим оружие! – и все увеличивающаяся толпа побежала по улицам города.

– погоди, – остановил капитана Гардис, – надо обо всем случившемся дать весточку моим друзьям.

Он заскочил внутрь корчмы, оторвал кусок белой материи от занавески и угольком, подобранным возле очага, нацарапал на материи несколько знаков. Сложив письмо, Гардис протянул его мальчишке.

– Тебе поручается задание чрезвычайной важности, – сказал он, – ты сможешь его выполнить?

Мальчишка серьезно кивнул головой.

– Он очень смысленный, – похвалил капитан, – знает все ходы-выходы в городе и когда-нибудь станет капитаном корабля.

Мальчишка едва удостоил взглядом капитана, переведя его снова на Гардиса.

– Нас привел старик пастух. Знаешь, где его хижина?

Мальчишка утвердительно кивнул головой.

– Беги к ней и отдай им эту материю. Дальше покажешь, как подобраться поближе к храму. Ты понял? Тогда давай! И помни – они не понимают то, что ты будешь говорить им.

Мальчишка еще раз кивнул и без слов сразу же скрылся за углом.

– А где тот старик пастух, что-то его не видно? – спросил Гардис.

– Его тяжело ранили солдаты, когда мы напали на них. Вон он лежит среди прочих, – показал капитан.

На земле валялись трупы растерзанных солдат вперемишку с убитыми горожанами. Раненых уже отнесли в сторону. Среди них Гардис и нашел пастуха. Каменный нож разворотил ему живот, порвав внутренние органы. Спасти его было уже невозможно.

– Как же ты так? – с горечью спросил Гардис.

Старик криво, сквозь боль, усмехнулся.

– Я умираю свободным, – с трудом произнес он, – и это самое главное. Ты дал всем нам надежду. Поклянись, что сделаешь все для свободы и моего народа!

– Я обещаю тебе это, старик.

Старик вздохнул, судорога передернула его тело, голова откинулась назад, и в мертвых немигающих глазах отразилось чистое, без единого облачка, небо. Гардис вздохнул и провел рукой по еще теплому лицу, закрывая его глаза.

– Ну что ж, – глухо сказал он, глядя на капитана, – мы еще повоюем!

И они бросились вслед за толпой к армейским казармам.

Солдаты встретили набегающую толпу градом коротких копий. Толпа отступила и снова бросилась в атаку. И снова град копий отбросил ее назад. В это время сюда и подбежали Гардис с капитаном и матросами. Быстро перегруппировав толпу, сформировав из горожан отряды по три-четыре десятка человек, поставив во главе каждой группы по рекомендации капитана сметливого матроса, Гардис отправил их на штурм постов солдат внутри города и захвата небольших арсеналов оружия при них, на захват укрепленных домов предателей, перешедших на сторону жрецов миркутян.

На прилегающих к казармам улицах собиралось все больше горожан. Они горели желанием сразиться с храмовниками и требовали оружие.

Вскоре посланные Гардисом отряды достигли цели. Кое-где запылали подожженные повстанцами дома не желающих сдаваться предателей. Сизый дым пополз по улицам города. Все захваченное оружие свозилось и сносилось к казармам, где был штаб восстания. В скором времени почти все городские ворота, за исключением расположенных в районе казарм, были в руках повстанцев. Город бурлил. Повсюду вылавливали спрятавшихся служителей новой веры и беспощадно избивали их. Женщины, подхватив на руки детей, уходили из города в горы. С гор же навстречу им спускались пастухи и небольшие отряды жителей окрестных деревень, спешащие на помощь повстанцам.

Вскоре только в одном месте города повстанцам оказывалось организованное сопротивление – в районе казарм. Раз за разом повстанцы накатывались на казармы, и снова вынуждены

были отступать, с каждым разом теряя новых людей, остающихся лежать на площади перед ними. Сопротивление солдат через некоторое время не только не ослабело, а наоборот, даже усилилось.

– К ним подошло подкрепление. А кроме, как из храма, ему взяться неоткуда, – радовался Гардис, – значит, охраны там стало значительно меньше, и это облегчит задачу скандинава.

Но вскоре он прекратил бесцельные атаки казарм, задумав провести атаку ночью, в темноте.

Ночь не заставила себя долго ждать. Но полной темноты все же не было. Во многих местах город пылал, никто не тушил пожары.

Гардис, выждав время, отдал приказ снова атаковать казармы. Атакующие, против ожидания, без помех ворвались в здания. Они были пусты. Противник незаметно ушел из казарм, унеся с собой все оружие. Пылающий город целиком остался во власти восставших.

10.

Ацатеталь вел группу людей по известным ему горным тропинкам. Было еще светло, когда вдаль показалась стена, окружающая храм Черной Змеи.

– Пойдем со стороны горы, на которой горят огни, – сказал скандинав, – похоже, что сегодня им будет не до ее охраны, а стену своего храма с ее стороны они все равно по привычке охранять будут хуже.

Он подозвал мальчишку, камнем нацарапал на земле примерный план местности, жестами объясняя ему, что надо попасть к храму сбоку. Тот, поняв, что от него требуется, призывно махнул рукой, свернул с тропы и направился вниз по склону безо всякой дороги. Группа направилась за ним. Вскоре они вышли к невысокой естественной каменной стенке и пошли вдоль нее. Через некоторое время скандинава догнал Орагур.

– Куда он нас ведет? – спросил он.

– Я объяснил ему, что нам надо подойти к стене храма со стороны горы, – пожал плечами скандинав, – он вроде бы понял это.

– Тогда почему мы идем параллельно той горе, и даже отдаляемся от нее?

– Эй, постой, – окликнул скандинав мальчишку, – ты куда нас ведешь?

Тот недоумевающе посмотрел на них, а затем, поняв их обеспокоенность, присел на землю. Взяв в руки камешек, он положил его, указав пальцем на него и на стенку, мимо которой они шли. Затем рядом положил еще камешек, махнув рукой в сторону храма. Затем сорвал травинку и уложил ее между камешками, ткнув пальцем в нее, а затем в свою грудь.

Люди переглянулись друг с другом и приготовились двигаться дальше. Идти пришлось недалеко. Через несколько сотен шагов вслед за мальчишкой они по осыпи перебрались через стенку и подошли к разросшимся на склоне кустам. Мальчишка направился к ним. Раздвинув ветки двух ближайших кустов, он зашел прямо в их гущу, затем лег на землю и пополз вперед. Внизу, между ветками, обнаружилось что-то вроде норы, ведущей под углом вниз, в которую с трудом мог залезть большой человек. Скандинав с опаской посмотрел на этот лаз, но изнутри послышался призывный голос мальчишки.

По узкому темному лазу ползти пришлось совсем немного. Он быстро начал расширяться, а вскоре впереди блеснул, разгораясь, огонек, и вслед за ним вспыхнул факел, освещая большую высокую пещеру. Люди один за другим вползали в нее и поднимались на ноги. Похоже было, что и пещеру, и тоннель, входивший в нее с противоположной стороны, пробил вода, так как из него в пещеру вытекал небольшой ручеек, уже здесь уходя вниз, в разлом. Сбоку в пещере стояло несколько открытых напоминающих бочки предметов. Орагур заглянул в них. Они до половины были наполнены темной довольно густой с характерным запахом жидкостью.

– Видимо, это и есть то, что они называют кровью гор, – сказал Пирт.

Тем временем мальчишка выбрал из лежащей на земле кучи заготовленных факелов несколько штук, обмакнул их в бочку и и роздал людям, после чего, снова призывно махнув рукой, шлепая по воде и освещая путь факелом, направился в тоннель. Тоннель был достаточно высоким, лишь изредка приходилось наклоняться и, согнувшись, проходить под огромными камнями, проточить которые и воде оказалось не под силу. Вода в ручье была холодной, но, по счастью, ручей продолжал свою разрушительную работу и во многих местах бежал уже по небольшому руслу, позволяя идти не по воде, а по его берегам.

Они уже долго шли по тоннелю, меняя отработавшие факелы на новые, когда в его стенах начали появляться ответвления. Из некоторых из них шел характерный запах. Выбрав одно из ответвлений, мальчишка свернул туда. Через полсотни шагов он остановился у входа в небольшую пещеру. Перед людьми в неровном свете факела открылось небольшое озерцо темной маслянистой жидкости, располагающееся по центру пещеры.

– Нас впустили в святая святых местных контрабандистов – место, где они берут кровь гор, и на промежуточный склад, – догадался Орагур.

Но долго стоять было нельзя. Мальчишка снова вывел их в тоннель, а вскоре усиливающийся поток свежего воздуха указал на то, что люди находятся вблизи выхода. Здесь факел был потушен, и скандинав, идущий сразу же за мальчишкой, решительно отодвинув его назад, осторожно приблизился к выходу и, раздвинув кусты, выглянул наружу.

Вечерние сумерки уже окутывали землю, но было еще хорошо видно. В паре сотен шагов от них была стена, идущая вокруг храма. На ней в поле зрения был виден только один расхаживающий взад-вперед часовой. Следующие часовые были настолько далеко, что их даже не было видно.

Скандинав вернулся в тоннель.

– Будем ждать, пока окончательно не стемнеет, – сказал он, – потом снимем часового из лука и поднимемся наверх. Охраны здесь сейчас немного, похоже, их всех погнали в город.

– Однако, эти горы пронизаны тоннелями, как муравейник ходами, – заметил Орагур, – мы же прошли под двумя горами сразу.

– Да, воевать здесь было бы затруднительно, – согласился скандинав, – при правильной постановке обороны в тоннели вообще не проникнешь. А миркутяне, похоже, в свое время взяли их без хлопот.

– Они напали внезапно, – возразил Орагур, – и не дали времени на организацию обороны.

– Просто местные – плохие воины, – фыркнул скандинав, – при любом внезапном нападении достаточно схватить меч и убежать в тоннель. А дальше делай, что хочешь, нападай со всех сторон.

Их спору положил конец рассудительный Лептах.

– Есть простые солдаты, а есть северянин, – сказал он, – между ними разница – как между вот этим камешком, – он подбросил на ладони обломок скалы, – и горой, под которой мы находимся. То, что для тебя окажется чрезвычайно простым, на поверку может оказаться неподъемным и для десятка человек...

Вскоре окончательно стемнело. Небо усыпали звезды, а между ними печально бродила луна, льющая призрачный свет на горные склоны. В ее свете был хорошо заметен силуэт ходившего по стене часового. Пирт, подобрившись к стене, стукнул камнями друг о друга. Часовой, наклонился, высматривая источник звука, и скандинав, к удивлению и восторгу мальчишки, никогда не видевшего лук и его действие, одним выстрелом сбил его со стены. Часовой, схватившись за пробитое горло, свалился вниз. Его подхватили и оттащили подальше, чтобы даже при дневном свете его нельзя было сразу обнаружить.

Пирт, еще до наступления темноты осмотревший стену, оставив внизу все, кроме веревки, как кошка взобрался по неровностям стены на ее верх, закрепил там веревку и сбро-

сил конец ее вниз. Цепляясь за нее, все быстро поднялись наверх, захватив с собой оружие. Пирт втащил наверх веревку, к концу которой мальчишка привязал его заплечный мешок, махнул ему рукой и тут же перебросил веревку вниз с другой стороны стены. По ней все сразу же начали спускаться вниз. А довольный Ацатеталь, подхватив каменный нож убитого солдата, вприпрыжку помчался обратно к лазу.

От стены до пирамиды храма было сотни две шагов по открытому пространству, но луна находилась с обратной стороны храма, и эта сторона была в тени. Вскоре люди уже прижались к отполированной холодной на ощупь стене храма, продвигаясь вдоль нее и ища возможность проникнуть внутрь пирамиды. Внезапно сверху раздались чьи-то голоса, вспышка света озарила верхнюю часть храма. Все замерли, прижимаясь к стене. Голоса быстро умолкли, снова наступила тишина. Но стало понятно, что вход в пирамиду находится где-то на самом верху башни, куда вела широкая снизу сужающаяся кверху лестница из высоких неудобных ступенек. Сверху же шел и неприятный запах. Первым взобравшись по лестнице, что отняло немало сил и времени даже у него, скандинав обнаружил, что находится на большой квадратной площадке, имевшей едва заметный уклон в сторону города, освещенной горевшими со стороны города лампадами, оставлявшими сторону, откуда поднимались люди, в полутьме. Со стороны города на ней был установлен плоский, еще больше наклоненный в сторону города камень высотой и длиной с полчеловека. Именно оттуда и шел этот неприятный запах гнили и разложения. Скандинав подошел поближе и сразу все понял. Даже ему с его простым ко всему отношению стало не по себе. Сам камень и весь пол вокруг него были залиты толстым запекшимся и разлагающимся слоем крови. В полу были сделаны ложбинки, по которым кровь многочисленных жертв, убиваемых на этом камне-алтаре, стекала на такие же ступени, по которым они только что поднялись на вершину пирамиды, только расположенные с ее обратной стороны. Все эти ступени также покрыты были слоем запекшейся крови. Ее никто не смывал, разве что дожди с переменным успехом пытались сделать эту работу. Но сейчас был жаркий сезон, дождей практически не было, и ощутимое зловоние должно было бы чувствоваться и в городе, подуй ветер в его сторону. По краям многих ступенек находились большие лампы, в которых горел огонь, освещая эту сторону храма. С площадки хорошо был виден и сам город, освещенный этой ночью множеством пожаров.

Кроме ступенек, по которым с трудом взобрались люди, и покрытых кровью ступенек со стороны города, никакого другого выхода на площадку не было видно. Но ведь незадолго до этого кто-то разговаривал на ней и зажигал свет. Однако большие каменные плиты, составляющие пол площадки, не допускали возможности проникнуть внутрь пирамиды сквозь них. Люди совсем уже отчаялись найти вход в храм сверху и хотели было спускаться вниз по своему же маршруту, как две большие боковые плиты пола вдруг скрипнули и повернулись вокруг оси, открывая ярко освещенную лестницу, ведущую куда-то вниз.

Люди скатились с площадки и присели на ступеньках ниже ее уровня, спрятавшись в темноте, осторожно выглядывая снизу и приготовив оружие.

На площадку вышли четверо одетых в черную одежду людей, несколько человек с выкрашенными красной краской лицами и руками и в украшенных перьями сложных головных уборах, и красивая молодая женщина в шикарном платье, сделанном из перьев. Сзади двое солдат вели, заломив руки назад и согнув его вперед, какого-то невысокого человека в длинной хламиде. Голову его закрывал капюшон. Четверо в черном переняли у солдат этого человека, подтащили к алтарю и сорвали с него хламиду. И Орагур едва удержался от вскрика. Человеком, которого подвели к алтарю люди в черном и готовились убить на нем, принеся в жертву кровожадному богу Черной Змеи, была Олиона!

Олиона, запутавшись в длинных полах хламиды, растянулась на полу корчмы, больно ударившись о ножку стола. А когда она попыталась встать, ее подняли за руки и с силой закрутили их за спину. Вокруг было полно солдат. Ни Гардиса, ни капитана нигде не было видно. Она попыталась было сопротивляться, но резкий сильный удар в живот согнул ее тело. Затем ее подтащили к человеку в черной длинной сутане. Он схватил ее за волосы, рассматривая их. И сразу же в его глазах появился хищный блеск. Ей на голову насунули капюшон, выволокли наружу и, перегнув животом вниз вокруг спины альпы и привязав под ее животом руки к ногам в своеобразном кольце, погнали животное. Альпа бежала быстро, подпрыгивая на каждом шагу. Было очень неудобно, ныли все косточки тела, находившегося в крайне неудобном положении. Особенно сильно болел ударенный живот, который к тому же немилосердно колотился о костлявую спину животного. Олиона почти ничего не видела, лишь сквозь узенькую раскрывающуюся под действием набегающего ветра полоску в капюшоне перед глазами ее мелькали дорожные плиты.

Эта пытка продолжалась довольно долго. Когда же альпа остановилась и Олионе развязали руки и ноги, стоять она уже не могла и мешком рухнула на камни. Ее попробовали поставить на ноги, а когда из этого ничего не получилось, двое солдат подхватили ее под руки, приподняли и поволокли. Тащили довольно долго по коридорам и лестницам, опускаясь все ниже и ниже. Затем в нос ударил запах нечистот, послышался гул множества голосов, лязг дверей, и ее бросили на каменный пол. Чьи-то руки сняли с ее головы капюшон и поднесли ко рту черепок с водой. Она с трудом ухватилась за него, выпила теплую воду и, начав приходить в себя, открыла глаза.

Олиона находилась в большой комнате, заполненной сидящими на каменном полу и стоящими людьми. Мужчинами и женщинами вперемежку. Были здесь и дети разных возрастов, от грудничков до подростков. Места было очень мало даже для того, чтобы все сели, не говоря уже о том, чтобы можно было прилечь. Многие тупо смотрели перед собой, другие плакали. С одной стороны у комнаты вместо стены была толстая решетка, сквозь которую в нее проникал свет от горевших напротив в широком коридоре светильников. В этом же коридоре взад-вперед расхаживали солдаты с каменными ножами и топорами и длинными хлыстами, которыми они время от времени хлестали через решетку находящихся поблизости людей. Судя по крикам и плачу, доносящимся из коридора, камера, в которую попала Олиона, была не одна.

Рядом с ней на корточках сидела, держа глиняный черепок, какая-то молодая женщина исключительно приятной наружности. Она даже отпрянула в сторону, когда капюшон упал со светлых волос Олионы.

– Куда я попала? – спросила ее Олиона на ганпарском языке.

– В подземелье под башней миркутянских жрецов. Нас всех сегодня ночью принесут в жертву их богу, – вздохнула женщина.

– Но ведь ты не ганпарка, – продолжила она, – у тебя синие глаза. Как ты сюда попала?

– Да, я принадлежу к народу олиев и помогаю бороться с жрецами настолько, насколько хватает моих сил.

– Но и тебя схватили, и тоже убьют сегодня.

– Ну и что ж, значит, такая моя судьба. Но таких как я много, и меня заменят другие.

– Скажи, – приблизила губы к ее уху женщина, – правда ли, как говорят, что Хранитель здесь и освобождение близко? Ты олия, и, может быть, знаешь об этом больше других. Я буду умирать спокойно, зная, что это так, – добавила она.

– Да, – кивнула головой Олиона, – я сопровождала его. Он остался на свободе, и когда он сделает то, что должен, проклятые храмовники исчезнут отсюда.

Женщина удовлетворенно кивнула, встала и затерялась в толпе. А вскоре к решетке подскочили солдаты. Несколько ударов бича отбросили от нее людей. В решетке открылась незаметная дверь. Солдаты вбежали в камеру, подхватили Олиону под руки, вывели и потащили по

коридорам. Снова были бесчисленные лестницы, на сей раз ведущие вверх, а затем ее втокнули в маленькую комнатку и захлопнули за ней дверь. Комната освещалась лампадой, установленной в углу за решеткой. Добраться до нее не было возможности. Больше в комнате ничего не было, за исключением подобия кровати, каменного отполированного многими узниками ложа у стены.

Она легла на него и забылась в тревожном сне.

Разбудил ее лязг открывающейся двери. Сколько времени она здесь уже находится, Олиона не имела понятия. Но живот уже почти не болел, хотелось есть, а особенно пить. В комнату снова вошли солдаты, вывели ее и, проведя здесь же по коридору, втокнули в ярко освещенную комнату, украшенную портьерами из разноцветных тканей, вырезанными из полупрозрачного камня фигурками, красивыми перьями. Удобные кресла на гнутых ножках стояли у большого стола, на котором находились вазы с фруктами и причудливые кубки, а в креслах сидели люди в черных длинных, до пола, рясах с остроконечными капюшонами на головах, полностью скрывающими лица. Десять человек, сидящих в креслах, насчитала Олиона, когда ее поставили перед ними. У нее пересохло во рту и страшно першило в горле. Заметив это, сидящий в центре сделал знак, и один из солдат подал ей большую кружку воды, которую она выпила одним махом. Солдат забрал кружку и удалился. В помещении осталась только Олиона и десять непонятных фигур.

– Кто ты? – бесстрастный холодный голос исходил от сидящей в центре фигуры, – и как оказалась здесь?

Олиона сразу же узнала манеру разговора миркутянских жрецов.

– Я попала сюда случайно, – сказала она, пытаясь угадать, что скрывается под капюшонами, – приехала в гости и требую меня отпустить!

– Не лги нам! – жрец приподнялся на месте, – нам все известно про тебя!

Он потянул висящий сверху шнурок, и в боковую дверь танцующей походкой вошла красивая женщина, в которой Олиона узнала ту, которая в камере давала ей воду в черепке.

Только теперь она была ярко накрашена и разодева в шикарное платье, искусно сделанное из птичьих перьев.

– Я все слышала. Лживая тварь! – выкрикнула она и с силой ударила Олиону по лицу, – ты знаешь, кто перед тобой? Как ты осмелилась лгать Великому Магистру, главному жрецу Черной Змеи, и его Избранным братьям? Она же сама сказала мне, что Хранитель здесь!

Олиона вспыхнула и с ненавистью глянула на женщину.

– Ты еще получишь свое, мерзавка! – крикнула она, рванулась к ней и схватила ее за горло.

Вбежавшие солдаты с трудом оторвали руки Олионы от горла предательницы. Та надрывно кашляла и болезненно морщилась, держась за помятое горло.

– Спасибо, Ситацепа! – бесстрастно сказал Великий Магистр, – а теперь подожди в сторонке. Я высоко ценю твои услуги и сведения, добытые тобой. Скоро ты займешь подобающее тебе место.

– Верхом на колу, – зло добавила Олиона, – на котором будут сидеть все предатели своего народа вроде тебя!

Женщина низко поклонилась сидящим верховным жрецам, бросила злобный взгляд на Олиону и отошла в сторону.

– Итак, ты не желаешь отвечать про Хранителя. Я правильно понял? Но ты знаешь, где он. Ну что ж, в таком случае я выпью твой мозг.

Что-то вроде смеха раздалось из-под капюшона. Это было удивительно и страшно – вместо бесстрастного голоса слышать замогильный смех.

Олиона внутренне сжалась, понимая значимость этой угрозы.

– Не выпью в прямом смысле слова, как того желала бы прелестная Ситацепя, которая с радостью поднесла бы твою голову мне на блюде. Не правда ли, моя прелесть? – продолжил Великий Магистр.

– Я сниму ее голову и из черепа сделаю чашу потом, когда ее куриные мозги расплавятся под вашим взглядом, – хищно улыбнулась стоявшая у двери прекрасная ганпарка, – чаша будет напоминать мне о вашей милости, – она отвесила поклон в сторону Магистра.

– Она правильно сказала – расплавятся мозги, – продолжил Великий Магистр, обращаясь к Олионе, – я выпью всю твою память, все, что ты знаешь. И буду знать все про Хранителя. Но у тебя не останется ничего. Ты будешь как новорожденный ребенок. Но если ребенок развивается и с каждым мгновением познает новое, то ты будешь лишена этой возможности и навсегда останешься пустой безмозглой куклой, если я не отдам тебя Ситацепе. Твой вычищенный мозг никогда уже не примет ни капли нового. Ты хочешь этого?

Олиона молчала, крепко сжав губы.

– У тебя великолепное молодое тело. Ты могла бы составить пару Ситацепе и приблизиться ко мне. Поверь, я умею ценить женскую красоту, а моя милость воистину безгранична. Весь мир будет лежать у твоих ног, лишь только стоит тебе этого пожелать. Для этого немного надо – только ответить, где сейчас Хранитель и куда он направляется.

И снова ответом ему было презрительное молчание.

– Ну что ж, сказал Великий Магистр, – ты сама выбрала это.

Он встал и направился к Олионе. Великий Магистр оказался высокого роста, пожалуй, сравнялся бы со скандинавом. Холодом веяло от его фигуры. Даже солдаты, крепко держащие Олиону и не дававшие ей пошевелиться, и те поежились, отпустили Олиону, опустили глаза и, пятясь назад, вышли за дверь. Остальные жрецы, не вмешиваясь в происходящее, таили молчание, не двигаясь в своих креслах.

Великий Магистр подошел вплотную к Олионе и отбросил назад свой капюшон, взял пальцами ее за подбородок и поднял вверх голову. Она не сумела понять, какое у него лицо, потому что в упор на нее смотрели четыре завораживающих рубиновых глаза, принимая все ее внимание на себя. У нее было ощущение, что щупальца его глаз проникли в ее мозг и пытаются что-то нащупать в нем. В рубиновых глазах его не было ничего похожего на человеческие чувства. Ни закрыть глаза, ни сопротивляться этому проникновению не было никакой возможности.

И вдруг она почувствовала, что кольцо, подаренное ей Орагуром, слегка ущипнуло ее за палец, вслед за этим теплая волна, исходящая из него, пронзила ее тело. И тут же огромная колдовская сила внушения, с помощью которой миркутянские жрецы представляли перед всеми в облике значимых пугающих четырехглазых фигур, перестала действовать на Олиону. Щупальца глаз Великого Магистра исчезли из ее головы, и уже она сама, пронзив его глаза своими, проникла в его мозг. Холодная ненависть ко всему живому, желание повелевать и наслаждаться этим, хитрость и жестокость – ничего другого не было в потаенных уголках этого сознания.

Она попыталась сокрушить его мозг, он с трудом сопротивлялся этому. Олиона сумела бы довершить это, но торжествующая улыбка, мимолетно мелькнувшая на ее лице, когда она уже почти смяла последнюю защиту в этой молчаливой борьбе, была замечена стоявшей сбоку Ситацепой. Почуввав неладное, она громко закричала, подскочила к Олионе и, схватив за волосы, рванула ее голову в сторону. В комнату вбежали солдаты и схватили Олиону. На мгновение она потеряла из вида глаза Великого Магистра, а когда ей удалось снова взглянуть на него, он уже направлялся к своему креслу, снова скрыв голову под капюшоном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.